

Поцелованная и прощанной

Галина Малафёва

Галина Маларёва

Поцелованная Афродитой

«Издательские решения»

Маларёва Г.

Поцелованная Афродитой / Г. Маларёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833241-8

Мифы о древних богах и прекрасных нимфах, сложенные тысячи лет назад, манят, зачаровывают своей таинственностью и великолепием, по сей день вызывая желание вернуться в те времена. Люди принимают эти истории за сказки. Однако это не совсем так. Античные боги существуют, хоть мы и не можем лицезреть их и слышать их голоса. У богов есть свои избранники, с помощью которых они могут управлять этим миром. Об этих избранниках не знает никто, и порой они сами об этом не подозревают.

ISBN 978-5-44-833241-8

© Маларёва Г.
© Издательские решения

Содержание

Богиня любви	6
Герцог Баккальери	8
Елена	11
Венеция	19
Контракт	25
Молодожены	26
Загадочный замок	28
Незнакомка	35
Джессика	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Поцелованная Афродитой

Галина Маларёва

© Галина Маларёва, 2016

ISBN 978-5-4483-3241-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Богиня любви

– Скажи, что мне сделать, чтоб заслужить твое расположение, мой ангел? – легкая тень тревоги в голосе так не сочеталась с выражением холодной уверенности, что царила на его лице. Четкий отточенный профиль и мускулистая фигура говорили о неспособности проявлять даже малейшую слабость.

– Возьми и подари им солнце! – решив дать еще один шанс своему новому поклоннику, воскликнула Афродита. Легкий взмах ее белоснежной кисти оставил в воздухе чуть заметный облачный след, словно отголосок ее мысли, только что зародившейся где-то в поднебесной дымке.

– Нет, – задумчиво ответил Гермес и, смутившись на мгновение, добавил, – Это для них будет слишком просто и непонятно. – Не будучи одобренным собеседником, белоснежное облако тут же растаяло в прозрачной голубизне неба. – Я подарю им луч, – маленькой искоркой азарта, сверкнули его голубые глаза.

– Всего лишь луч? – переспросила богиня, каждый раз, по-детски удивляясь плутовству Гермеса.

– Да. Всего лишь луч, – уверенно повторил он. – Луч надежды. Они будут счастливы. Вот увидишь!

– И они поймут? – ее лицо, вдруг, стало неимоверно печальным. Не это она ожидала услышать от своего избранника. Она знала, ему не откажешь в мужестве, и так же не следовало ждать от него утонченности в понимании человеческой души.

– Да. Для них это будет как озарение. Они будут звать меня Богом! – его подбородок гордо взметнулся ввысь. Гермес был неотразим в своем восхищении собой.

– И что потом? Будут поклоняться тебе? – мило улыбнувшись, она взглянула на него. Элегантный стан, легкий наклон головы, усыпанные солнечной позолотой белоснежные локоны, плавно ниспадавшие на плечи, делали образ богини еще более прекрасным. Столь наивные уловки Гермеса казаться на шаг впереди всех остальных богов умиляли ее.

– Почему бы и нет?! Ведь богам поклоняются? – хитро подмигнул он.

– Но если ты действительно хочешь быть для них Богом, тогда подари им любовь! – медленно обойдя вокруг юноши, она сладко шепнула ему на ухо.

– Что они с ней будут делать? – недоуменно отмахнулся Гермес.

– Наслаждаться! Ах, эти мужчины, они так никогда и не поймут наивысшей цели существования, – усмехнулась Афродита.

– А они знают, что это такое? – идея о бескорыстном дарении чего-либо кому-либо не слишком его радовала.

– Пока нет, но они узнают, когда почувствуют ее, – приблизившись, она ласково обвила руками его крепкий стан.

– Да, и назовут меня Богом, – насмешливо произнес он, слегка отдаляясь от Афродиты. – Нет. Я лучше дам им надежду, – расчетливо прикидывая что-то в уме, добавил он.

– Надежду на любовь? – недоуменно, переспросила богиня.

– Да. И они поверят в нее как в миф.

– Ты жесток. Верить в миф, что может быть безнадежнее?! – ее лицо вдруг стало мраморно-холодным. Она почувствовала, что, может быть, зря понадеялась на его понимание. Но с другой стороны ни влюбленный в нее хладнокровный воин Арес, ни его соперник, трудолюбивый Гефест, не могли дать ей то, чего она желала больше всего на свете: воплощения ее самой заветной мечты, научить человечество любить. И не просто любить, а испытать это волшебное чувство в той мере, в которой она, Афродита способна испытывать его.

– Но, посуди сама, – беспощадная рациональность сквозила в словах Гермеса, – Они люди! Они еще не готовы к такому дару. Любовь обожжет им души. А когда это случится, тебе, любимая, будет сложно пережить это, – приблизившись к Афродите, он одной рукой нежно обнял ее за талию и, легонько приподняв второй рукой подбородок, ласково заглянул ей в глаза.

– Как ты можешь знать, к чему они готовы, а к чему нет?! Дай им шанс!..

Герцог Баккальери

– Опять тот же сон? – оглянувшись на вошедшего мужчину, равнодушно спросила служанка, лениво смахивая пыль с полировки старого пианино.

– Опять, – меланхолично протянул тот. В длинном домашнем халате из темного атласа, небрежно накинутом поверх ночной рубашки, он не торопясь прошел вдоль украшенных тонким узором лепнины стен огромной залы. Остановившись напротив небольшого, по сравнению с остальными фамильными портретами, полотна с изображением симпатичной молодой девушки, он на минуту задумался.

– Вам по чину не подобает видеть такие сны синьор Альберто, – сухо процедила служанка, переходя от пианино к резному, в стиле барокко, книжному шкафу. – Вы герцог! Единственный наследник древнейшего рода Баккальери. А бредите образом какой-то распутницы.

– Не единственный, – монотонно произнес мужчина, – у меня есть сестра.

– Ее дети будут носить фамилию мужа, – холодно отрезала служанка.

– Ох, Мари, перестань нести чепуху. Все эти титулы в наше время не слишком-то много значат, и к тому же ты прекрасно понимаешь, я не так уж и достоин той чести носить столь великий титул, – окинув взглядом портрет, Альберто отошел к одетому в бархат окну и отвернулся. Казалось, его слова относились вовсе не к его титулу, а к той прекрасной даме, что, улыбаясь, смотрела сейчас на него, собираясь сойти с полотна вглубь залы. – От бывшей роскоши здесь остались лишь обветшалые стены, облепленные ангелами.

– Вы не должны бредить ею. Такая как она не может быть достойна ваших снов, синьор. – Мари с легким оттенком ненависти махнула метелкой в сторону портрета и, отвернувшись, снова взялась за борьбу с нескончаемой пылью. – Она сбежала из замка столетие назад, опозорив семью, родных, с каким-то нищим музыкантом, влекомая чувством «великой любви», – продолжала служанка, фыркая на каждом втором слове, стараясь выразить этим свое презрение к персоне, изображенной на холсте. – И это она! Ваша пра-пра-тетка! – что-то навязчивое сквозило в ее словах. Казалось тема «великой любви» давно будоражила ее сознание, как нечто непостижимое, сверхъестественное и в какой-то степени недопустимо-постыдное. – Не зря ее лишили титула и наследства.

Мари была горда своим вхождением в дом столь знатных и родовитых людей, как ее хозяйка. Предки Мари с давних времен верой и правдой служили им. Ходили слухи, что ее семья раньше была в более близких отношениях, чем отношения между прислугой и господином, но подтверждения этому не было. А может это были просто слухи, чтоб придать предкам Мари более значимое положение в обществе. Так или иначе, но все члены рода Баккальери всегда очень почтительно относились к ней и ее родне и частенько прислушивались к их мнению.

– Мари, Мари, ... – вздохнул Альберто, наливая себе стакан воды из небольшого кувшина с овального столика рядом с окном, – ты живешь понятиями прошлого. Оглянись вокруг! Толпы туристов заполнили Венецию, и им нет никакого дела до титулов и достоинств, как ты говоришь. Сейчас деньги играют главную роль в этом мире. Покупается и продается все: от захудалой гондолы до старинных замков с вековыми историями и гробницами. Титулы уже ничего не значат. И те же музыканты, как ты говоришь, в нынешнем обществе имеют вес куда больший, чем какие-то исчезающие виды древних благородных семей, – грустно произнес Альберто и, отдалившись от окна, снова взглянул на портрет.

– Но, как же «честь»? Куда вы ее припишете? – не унималась Мари, не собираясь так просто сдавать позиции своего, как ей казалось, не самого последнего места в обществе. – Разве можно назвать «честью» брак отпрыска голубых кровей с дочерью какой-нибудь кухарки?!..

– Она прекрасна! – не обращая внимания на слова служанки, Альберто окинул взглядом стройную фигуру девушки на портрете. – Юная! Полная любви! И кто может обвинять такое

трепетное создание в том, что ей после столь долгого заточения в древних, покрытых сыростью каменных стенах, вдруг захотелось свободы, желание жить, любить, быть независимой от всех этих древне-патриархальных условностей добропорядочности и светских манер?! – Произнося эти слова, мужчина не сводил с полотна глаз. Казалось, он хотел впитать в себя то ощущение легкости, что веяло от портрета, беспомощно водя взором по мягким очертаниям женской фигуры.

С огромного, в полстены холста, девушка улыбалась ему в ответ. Правильный овал лица, обрамленный волнами светло-желтых волос, нежность и невинность алых губ, большие, слегка раскосые голубые глаза с длинными черными ресницами, все это излучало любовь и спокойствие. Сшитая из нежнейшего полотна, туника в стиле легендарных нимф, легкими волнами ниспадала с плеч, развиваясь на ветру, едва прикрывая ее чувственные груди. Словно древне-греческая богиня легкой поступью она сходила с небес на грешную землю.

– Это легко объяснить, – с нескрываемым скептицизмом в голосе, равнодушно произнесла Мари. Она взяла из рук герцога недопитый стакан с водой и, поставив его на поднос рядом с кувшином, открыла небольшую дверцу в стене, где находился маленький шкафчик подъемного лифта, спускавшегося напрямик в кухонное крыло здания. Поместив туда поднос, она нажала на кнопку спуска и аккуратно закрыла дверцу. – Вы начитались романов, синьор. К тому же столь богатая приключениями история вашего рода дает о себе знать. Вы жаждете ее продолжения. Но перестаньте же, наконец, витать в облаках. Вам надо думать об укреплении и продолжении своей семьи. Балаганы с поп-звездами не вечны, блеск их теряет силу куда быстрее, чем нынешнее поколение кухарок разродится следующим. Но вы – продолжатель вашего рода.

– Может ты и права, Мари, – тяжело вздохнув, Альберто отвел взгляд от полотна и, подойдя к подоконнику, уставился в окно. Грустно смотреть, как увядает наш герб. Земля уже не приносит столь высокий доход, чтобы можно было покрыть все расходы на ее содержание. Плюс этот дом – такие затраты!

– Ох, синьор, если б вы по молодости не проигрались на скачках, – тяжело вздохнула служанка, – сейчас бы не пришлось выплачивать за дом столь дикие ссуды в банках. Ваш отец, да упокой Бог его душу, наверное, радуется, глядя на вас с небес, что вы к тридцати годам наконец-то остепенились, – она подошла к лестнице, ведущей из зала на нижний этаж, и, склонившись через перила, крикнула, – Лука! Ну, что там у тебя!

– Передай синьору, что завтрак готов! – прохрипел в ответ старческий мужской голос.

– А ваши друзья? – поворачиваясь к Альберто, укоризненно произнесла женщина.

– А что мои друзья? – удивленно переспросил молодой человек, направляясь к лестнице.

– Синьор Эндрю! – передразнила Мари произнесенное на английский манер имя лучшего друга Альберто. – Серж! – наигранно произнесла она имя второго его друга.

– Андреа, – улыбнулся, вспомнив задорный характер своего брата по несчастью, потомка знатного старейшего рода в Венеции герцога Аджио, – Он поклялся, что со скачками завязал, – твердо выпалил Альберто, сопровождая свои слова медленным наклоном головы. – Он дал слово герцога!

– А с этими развратницами из кабаре? – ехидно подхватила служанка.

– Ну, Мари! – развел руками Альберто и расхохотался, словно он в жизни не слышал большей нелепицы, чем эта. – Кто ж с девушками завязывает! Это же Эндрю! – передразнивая тон собеседницы, выпалил он. – Ты требуешь от него невозможного. А Серж, так он больше по философской части да по мопедам.

– Жениться вам надо! Вот хотя бы на синьорине Эльзе из семейства Сальди. Может их род не такой знатный как ваш, но у них три пятизвездочный отеля на островах. Они-то уж умеют вести дела. Да и лицом Эльза, вроде как, не из последних уродин будет.

– Да она не дурна, – задумавшись, согласился Альберто, снова переводя взгляд на картину. – Но нет в ней той легкости и чистоты, что в той, что является мне во сне, – грустно выдохнул он.

– Ох, синьор, – делая вид, что отмахивается от очередной из навязчивых идей своего хозяина, пробормотала Мари, медленно спускаясь по лестнице, ведущей на этаж ниже. – Опять вы за весь этот бред. Нет ее, великой любви! Забыть вам ее надо. Все это вымысел, остатки истории. Забыть и идти дальше. – Она вдруг резко повернулась к Альберто и заговорщически продолжала, – А как вам такая идея: одна знакомая тут недавно болтала, что многие новоявленные миллионеры взяли моду свадьбы у нас в Венеции играть, это у них считается верхом крутости, что ли, – развела она в стороны руками, пытаясь подобрать нужное слово. – Ну, вы меня понимаете. А для свадебного ужина им непременно старинные замки подавай. И платить они готовы тысячи за один вечер.

– Да, поиграть в принцев... Как же, понятное желание, – вздохнул Альберто...

Елена

– Увидимся во вторник! – что есть мочи, сдерживаясь, чтобы не закричать, выдавила из себя Елена и, хлопнув за собой дверь, выбежала на улицу. Рвавшаяся наружу ярость сдавливала ей грудь, мешая дышать. Слезы, скопившиеся в уголках ее серо-голубых глаз, уже готовы были огромным потоком выплеснуться извне, унося вместе с собой все негодование и обиду, что скопилась у нее в душе. Вихрем пронесившиеся в голове мысли мешали адекватно оценивать ситуацию, сложившуюся в студии между ней и ее начальником.

«Это чванливое, самодовольное животное!.. Что оно из себя мнит?.. Я не жена ему и не дочь, чтоб так обращаться со мной!..», – она почти бежала по узкой опустевшей улочке к небольшой площади, где был припаркован ее мотоцикл. Темнота осеннего вечера опустилась над городом, постепенно гася шепот и шорох городских улиц. Лишь ветер, лениво нагоняя дождевые тучи изредка шелестел еще не опавшей листвой. Почуввав свободу от постороннего взгляда, слезы градом хлынули из глаз девушки.

Было обидно, очень обидно после столь кропотливой и долгой работы над проектом, который был почти уже завершен, получить в ответ от шефа заявление, что она «безмозглая блондинка, которая двух слов связать не может», и поэтому он забирает ее проект себе, чтоб лично презентовать его заказчику. А главное он даже не был ее шефом, а лишь мужем начальницы, фотографом, работавшим вместе с ней в небольшой графической студии, что даже не обязывало Елену выслушивать его неприятные высказывания в ее адрес. С шефи-ней же она прекрасно ладила и без труда находила общий язык. От этого Елена никак не могла понять, как столь утонченный и чувственный человек как Элизабет – ее начальница, может быть замужем за таким неотесанным, тупым и завистливым болваном, как ее муж. Приходя в восемь утра в офис и находясь там до самого вечера, Елена добросовестно выполняла свою работу дизайнера, не отрываясь ни на минуту от компьютера, а если и отрываясь, то по желанию клиентов для обсуждения той или иной детали проекта. Девушка бралась за самые сложные работы, от которых другие отказались, оправдывая свое неумение нехваткой времени или бюджета. Делая невозможное, она вытягивала из картинке все спектры оттенков, заставляя изображение играть так, что клиенты и взгляда не могли отвести от готового заказа. Рекламы, брошюры, буклеты, словно живые отображения их мыслей смотрели при презентации с экранов мониторов. Девушка видела, как в глазах Элизабет загорались веселые искорки гордости за свою студию, когда она вручала заказчикам выполненные проекты.

Елена с головой уходила в работу, не видя и не замечая ничего, что происходило вокруг. И когда она слышала за спиной визгливо-резкий голос мужа Элизабет: «Что ты делаешь! Ты рвешь картинку! Ты уничтожаешь ее! Какой ты после этого дизайнер!», – у нее в душе все замирало. Тут же возникало огромное желание взять в руки монитор и с размаху надеть его на лысую башку этого несносного типа. Поначалу она думала, что может он действительно что-то недопонимает, ведь он фотограф, должен же он разбираться хоть как-то в изображениях, и пыталась объяснить пошагово, почему она считает нужным делать так, а не иначе, применять именно такой эффект, а не иной. Но это не помогало. Обычно, видя накалявшуюся атмосферу в офисе, Элизабет сразу приходила на помощь, отзывая Елену в сторону. Под предлогом выпить чашечку кофе и обсудить с ней только что поступившие заказы, она уводила девушку в зал заседаний, пока ее муж не переключал свое внимание на что-нибудь не столь огнеопасное, как унижение и оскорбление ее работников в офисе и ситуация не переходила в мирное русло. Но в этот раз все вышло из-под контроля.

Елена подошла к мотоциклу, привычным движением отстегнула цепь, которой тот был привязан к небольшому бетонному столбику на месте стоянки мотоциклов и мопедов и, тяжело вздохнув, устало уселась на кожаное сиденье. «Ох, мама... Зря все это...», – мысли снова вих-

рем закружились у нее в голове, – «Не выйдет из меня толку. Видишь, как ни стараюсь, ничего не выходит! Ничего!» – Слезы катились по щекам.

Уже четыре года прошло после той ужасной аварии. Несшийся навстречу грузовик заскользил по гололеду и, потеряв управление, на всей скорости вылетел на встречную полосу, подмяв под себя попавшуюся ему навстречу «реношку». Дорога «Милан-Мальпенса» как сейчас стоит у нее перед глазами, будто это было вчера. Дико нарастающий грохот, скрип тормозов и отчаянный крик отца: «Лена пригнись!». Казалось, в тот момент мир перевернулся вверх дном. Земля ушла из-под ног. Все завертелось. В то же мгновение свет превратился во тьму. Находясь под наркозом в операционной, она ничего не ощущала. Казалось, ее вмиг разложили на мельчайшие молекулы и отправили летать в поднебесье. Она витала не чувствуя пространства и времени повторяя лишь: «Мама, где ты?..». Девушка слышала голоса извне: «Кого она зовет?.. Мать?», – спрашивал непонятно кто. «Она еще не знает...», – сухо отвечал ему его собеседник, – «Не говори ничего. Ей надо жить...». «Тебе надо жить!..», – словно издали донесся до сознания голос первого. Врачи сделали все возможное. Она выжила, пообещав родителям, что бы ни случилось, не сдаваться и идти вперед.

Отец так радовался ее успехам в Миланском Институте графики и фотографии, куда она, увлеченная компьютерными программами по дизайну, поступила учиться. Казалось, она нашла себя. Ее работы отличались свежестью и новизной. В них была частичка чего-то светлого, не похожего на работы остальных студентов.

– Вот увидишь, Ленка, скоро они за одной твоей запятой будут в очередь к тебе выстраиваться, – не уставал повторять ей отец.

– Да ну тебя, – смеясь, отмахивалась от него дочь. – Таких как я здесь знаешь сколько? Пол Италии...

Елена была еще совсем ребенком, когда ее отец и мать, жившие в небольшой уральской городке, подписали контракт с одной из итальянских фирм и решили переехать в Милан. В детском саду, при небольшой церквушке рядом с домом, Елена удивительно быстро заговорила на совершенно незнакомом ей языке. Воспитательницы-монашки, словно квочки, кудахтавшие над своими питомцами, души в ней не чаяли, умиляясь ее веселым глазам и очаровательной улыбке. Быстро пролетели школьные годы. Получение диплома и радостные встречи с друзьями. Родителям было отрадно видеть, как растет и расцветает их дитя. Казалось бы, вот оно счастье! Но судьба распорядилась иначе. Та авария унесла с собой все: надежды, планы, мечты. Стоя у надгробья родителей, Елена поклялась им, что бы ни случилось, не оглядываться назад. И сейчас она просто обязана стать кем-то, достичь чего-то стоящего в жизни. Но как это сделать, когда их нет рядом?

Вторая ее настроению, заморосил дождь. Мелкие холодные капли, сливаясь с каплями слез, обжигали кожу. Ветер подул сильнее, срывая с деревьев листья, унося их вдаль, словно маленькие почтовые конвертики, которым не суждено было достичь своего адресата.

Немного успокоившись, Елена вытерла ладошкой глаза, надела на голову шлем и почти уже тронулась с места, как в кармане куртки резко зазвонил сотовый телефон. Она быстрым движением вытащила его наружу и нажала на кнопку ответа.

– Ленка, это ты? Привет! – прозвучал в трубке Юлин голос. – Ты как? Уже выехала? Молодец! – уловив легкий шорох дождя, прокричала подруга.

С Юлей они познакомились давно, еще при жизни родителей, в баре «Ла Гранде Альянс». Как-то вечером после долгой дороги, немного продрогнув под холодным осенним дождем, Елена решила зайти в бар, чтобы согреться, и заказала себе кружку горячего шоколада. Побросившись парой фраз с барменом о хмурой миланской погоде, она, взяв свой заказ, присела тут же за круглый деревянный столик. Веселая парочка с годовалой дочуркой, сидевшая рядом, сразу обратила на нее внимание.

– Ты никак их наших будешь? – бойкая блондинка с двумя смешно заплетенными косичками первой вступила в разговор.

– Наверное, из «ваших», – рассмеялась Елена, удивившись столь резкому переходу на русский язык.

Видимо соскучившись по общению на родном языке, в тот вечер Юля без умолка чирикала, представляя себя, своего мужа и их очаровательную дочку. Ее живая детская мимика, нос картошкой и горящие искорками глаза сразу завоевали симпатию Елены. Муж Юли, Джанкарло был типичным итальянцем с большими черными глазами и густой копной темных кудрявых волос. Желая овладеть всеми тонкостями русского языка, он, с жутким итальянским акцентом, смешно вставлял фразы в Юлины описания их совместной жизни в Милане, весело подтрунивая над своими же коряво высказанными предложениями. С того самого вечера они и подружились.

– Сколько же можно батрачить с утра до ночи? Понятно, что ситуация. Но отдыхать тоже надо! – прозвучал в трубке недовольный Юлин голос.

Напоминание о работе вновь вызвало всплеск эмоций, испытанных Еленой за прошедший вечер.

– Ах, Юлька, как ты вовремя! – всхлипнув в ответ, выпалила она.

– Ты что, плачешь? Что случилось? Что эти кровопивцы опять натворили? – после случившейся с Еленой аварии Юля сильно переживала за состояние своей подруги и, как могла, всегда старалась ее поддержать. Зная ситуацию с начальником Елены, она давно уже уговаривала ее уйти с работы и подыскать себе что-нибудь другое.

– Ох, Юлечка, не могу я больше так! Сил моих нет! – всхлипывала в трубку Елена. Она не хотела выплескивать на кого-либо свои проблемы и, в то же время, была очень рада, что у нее есть такой человек, которому она может выплакаться.

– Короче, слушай, – прервала ее Юля и с уверенностью в голосе продолжала, – Встречаемся в Альянсе. Через четверть часа, успеешь доехать? Там все и расскажешь. И не реви. Все утрясется.

– Как же утрясется! – проникаясь уверенностью своей подруги в «завтрашнем дне», Елена начала успокаиваться. – Хорошо, через четверть часа в баре, – сунув телефон обратно в карман куртки и застегнув на голове шлем, она завела мотор и тронулась с места.

Елена привыкла к своему мотоциклу. Раньше она пользовалась машиной родителей, выезжая к тому или иному заказчику. Но из-за аварии машина оказалась непригодной, и восстановить ее уже не удалось. А после всех выплат за похороны и госпиталь, на новую уже не было денег. Тогда-то, чтобы иметь хоть какое-то средство передвижения, Елена и решила пересесть на мотоцикл. Сначала девушка очень боялась управлять им. Тормозя на каждой кочке и шарахаясь от любого препятствия, она ехала очень медленно и осторожно. Но потом она все же привыкла. Звук мотора успокаивал ее. Ветер, летевший навстречу, придавал ей силы. Вскоре, сроднившись со своим «железным другом», Елена уже не представляла себе иного способа передвижения.

Следуя окутанным полумраком полупустым улочкам, машинально огибая знакомые перекрестки, девушка через пятнадцать минут была уже у бара, на дверях которого огромными буквами светилась вывеска «Ла Гранде Альянс».

Это место, открытое Еленой несколько лет назад, всегда нравилось ей своей непринужденной обстановкой. Бармен, некогда работавший программистом, с детства был увлечен музыкой, и время от времени поигрывал на гитаре в малоизвестной рок-группе. В один прекрасный момент, вдруг осознав, что быть «свободным художником» в жизни для него значит намного больше, чем работать на шефа, он решил открыть пивной бар, где бы мог быть сам себе хозяин и иметь возможность спокойно музицировать в свое удовольствие. Какое-то время он с друзьями по вечерам играл в баре незатейливые мелодии, тем самым создавая в «Ла

Гранде Альянс» некоторое подобие музыкального сопровождения. Впоследствии там стали собираться и другие музыканты. С тех пор каждый вечер вдобавок к большому количеству сортов пива, привезенного из Бельгии, Германии, Голландии, в том баре можно было услышать что-нибудь музыкально-новое, пусть даже непрофессионально наивное. Внутри бар напоминал небольшой погреб времен военных баталий восемнадцатого века. У стен, вдоль длинных вырубленных из дерева столешниц, тянулись низенькие неотесанные лавочки. В центре же комнаты были расставлены круглые под старину столы, вокруг которых, вразнобой ютились деревянные стулья в виде пустых пивных бочонков. Расписанные картинами военных сражений стены привлекали взгляды посетителей своей живостью и оригинальностью, а с потолка свисали старинные военные знамена.

– Я тебе давно говорила, уходи ты от них, – ворчала, сидевшая напротив нее подруга, отхлебывая прохладное пиво из высокого бокала. – Я как их первый раз увидела, сразу поняла, они – вампиры!

– Кто? – непроизвольно засмеялась, Елена. Она любила общаться с Юлей. После разговора с ней даже самое отвратительное настроение быстро улучшалось, все бытовые невзгоды куда-то улетучивались. Теряя статус «абсолютно неразрешимых» они вдруг превращались в «маленькие недоразумения», на которые даже не стоило обращать внимания.

– Вампиры. Энергетические! Знаешь про таких?

– Да какие они вампиры? – Елена презрительно фыркнула. Словосочетание «энергетические вампиры» почему-то вызывало у нее не неприязнь, а скорее некоего рода симпатию к этим «мифическим созданиям», которые своими действиями способны навязать собственную волю другим, более слабым по духу сородичам. – Без этого гада мы с начальницей нормально ладим. Она очень даже приятная в общении. Просто ее муж самодовольный идиот. Мнит из себя гениального фотографа с изысканным вкусом. А Элизабет при нем, как немая становится, слова поперек сказать не может.

– Но это, заметь, ей никак не мешает заставлять тебя работать по двенадцать часов в сутки, прикидываясь этакой паинькой, – поднимая указательный палец вверх, возразила Юля, внимательно глядя на подругу. – Ты просто не замечаешь, как поддаешься ее влиянию.

– Может ты и права, – сделав глоток, Елена поставила бокал на стол и задумалась. – Только не могу я больше с ними работать. Сил моих уже нет выслушивать его бредни о том, как гениально он на фотке нож в кресло воткнул. – Елена слегка поежилась, вспоминая безобразно обработанное на компьютере изображение старого потертого кресла с воткнутым в его спинку кинжалом, с которого каплями на пол стекала пластилиновая кровь, образуя на деревянном паркете, что-то типа масляного пятна непонятного оттенка. – Или колесо от «мицубиси» к мясорубке присобачил. И от этого она, мясорубка то есть, видите ли, какой-то особый смысл в рекламе должна приобрести. Вот только никто, как оказалось, его гениальные мысли не разделяет и не поддерживает.

– А как же?! – саркастически среагировала Юля, – Ты только представь, если бы мясорубка со скоростью «мицубиси» работала! Тонну фарша можно было бы намолоть! – она, задорно хихикнув, чуть придвинулась поближе к столу, пропуская проходивших мимо, новых клиентов бара.

«Ла Гранде Альянс» был полон народа. Гомон стоял невыносимый, и подругам приходилось повышать голос, чтоб докричаться друг до друга.

– Ну, тонну! Это ты загнула! – засмеялась в ответ Елена. В столь непринужденной атмосфере, что стояла в баре, она уже начала отходить от своих невеселых мыслей о прошедшем дне в офисе и переключилась на обычный ритм повседневной жизни.

– А «мицубиси», почему? – подруги услышали голос хозяина бара. Увидев старых знакомых, он тут же покинул свой угол у барной стойки, где обычно сидел на высоком табурете с гитарой в руках и наигрывал одну из своих новых незаконченных мелодий. – «Феррари»,

вроде как, патриотичней будет. Привет девчонки! Что загрустили? – поставив на стол бокал с пивом и усаживаясь рядом на один из незанятых пивных бочонков, он взял гитару и небрежно провел рукой по струнам.

– О! Алекс, привет! Да вот у нее с начальником неполадки, – кивнув на Елену, весело протараторила Юля, будто речь шла не о работе, а о небольшой поломке какого-то незначительного прибора.

– Так пусть пошлет подальше такого начальника. Вот я послал своего и в ус не дую, – весело подмигнул он Елене. – Живу себе припеваючи, – он легким перебором пальцев прошелся по струнам гитары, стараясь подобрать аккорды к только что посетившей его голову рифме. – Эти энерговампиры так и шастают впотьмах, – мелодично пропел он, весело поглядывая на расхохотавшуюся Юлю, – Прячься ты или не прячься, на тебя наводят страх. У-у-у-у.

– Да я с радостью, если бы было все так просто, – вздохнула Елена. Она вдруг представила, как ее шеф с шефиной разом превратились в летающих по офису привидений-вампиров, которые ошарашенные от того, что их разоблачили, от страха начали кидаться в разные стороны. Девушка невольно улыбнулась. – Но жить-то на что-то надо? – задумчиво произнесла она. Елене совсем не хотелось в этот вечер опять уходить в мысли об одиночестве и нахождении смысла ее существования. Было невыносимо трудно привыкать жить одной. Без опоры, без поддержки, сомневаясь во всем, что делаешь и не находя ответа на вопросы: «А нужно ли? И зачем все это? Правильно ли?».

– А что, красавица, открой свое дело и будешь сама себе начальница, – отпивая глоток пива, беззаботно протянул Алекс. Потом, словно поймав себя на мысли, вдруг остановился, – О! Да это же почти песня! – поставив бокал на стол, выпалил он и снова провел по струнам.

Красавица, будь начальницей!
Моей начальницей...
Как тебе нравится это, красавица?...

Прищурившись, он внимательно посмотрел на Елену.

– Ага, «открой свое дело», – делая вид, что не понимает намека со стороны давно неравнодушно смотревшего на нее парня, хмыкнула Елена. – А клиентов где взять? А чем квартиру оплачивать? – После гибели родителей, ей пришлось найти себе жилплощадь поменьше, так как оплата за ту, в которой девушка проживала раньше, для нее одной стала неподъемной. Но зато у нее появилась замечательная соседка Юля. Она-то и помогла подыскать ей квартиру подешевле, рядом с собой на одной площадке, чтобы было проще поддерживать общение.

– Побегает, покрутится. Юлия же бегают, – Заслышав их разговор, выпалила невысокая, черноглазая официантка. Поставив поднос с бокалами и закусками на соседний столик к одной молодой паре, она, вытерев руки о завязанный на поясе серый передник, под села рядом со своим шефом. – Лозунг жизни у нас такой: «хочешь жить – умей вертеться».

Выросшая в небольшой деревушке на юге Италии в семье из одиннадцати человек, Микела, так звали официантку, как старшая из детей должна была целый день суетиться по дому. Отец днями пропадал в поле. Мать, одна с ребяташками, не успевала уследить за всем и частенько нагружала старшую дочь той или иной работой по хозяйству. Неплохо окончив школу и не видя для себя никакой перспективы оставаться в родной деревне, девушка уехала в Милан учиться дальше. И так как жить на что-то было надо, а так же оплачивать учебу в институте, она работала по вечерам официанткой в баре «Ла Гранде Альянс», что находился прямехонько напротив дома, где она снимала комнату. Не просить же у своих небогато живших родителей деньги на пропитание. Не для этого она уехала из родного гнезда.

– Я не в счет. У меня вынужденная необходимость, – Юля, отмахнувшись от нее и скорчив недовольную рожу, задумчиво подперла рукой щеку. – Мне срочно надо доказать родственникам мужа, что я вышла замуж по любви, а не чтобы прибрать к рукам их задрипанный бизнес.

– Аптеку, что ли? Да уж, скукотища, а не бизнес! Неужели они не видят, что это не для тебя? – фыркнул Алекс, отставив в сторону пустой бокал. – Микелочка, принеси-ка нам еще по пивку, – обратился он к официантке, на что та нехотя поднялась и удалилась в сторону барной стойки, приветствуя по дороге новых посетителей и указывая на освободившиеся места, где они могли бы расположиться и сделать заказ.

– Ладно, обещаю подумать, – устало выдохнула Елена, – можно конечно и побегать. С понедельника видно будет.

– О! Все как всегда! В понедельник ты успокоишься, и начнутся обычные серые будни с «кровопивцами», – недовольно протянула подруга.

– Тогда уж с «энергопивцами», – пробубнила в ответ Елена.

– О да! Это куда упрощает ситуацию, – съязвил Алекс. – А выходила бы ты за меня? – выдавая желаемое за незатейливую шутку, он подмигнул девушке.

– Ха-ха! И стоять у барной стойки все 24 часа в сутки? Или вступить в ряды итальянских домохозяек и безвылазно сидеть дома? Нет уж, увольте! Мне самой себе доказать надо, что я чего-то стою в этом мире.

– Ну почему обязательно за стойкой? – почесав в затылке, Алекс пожал плечами. – Будешь со мной песни петь. А я тебе аккомпанировать. Неплохой дуэт может получиться, как ты думаешь? – весело подмигнул он ей.

– Да уж! Слышала я уже эту сказку об одной из моих прародительниц, – покачав головой, улыбнулась Елена.

– А про что сказка-то? – спросил Алекс, ища взглядом в толпе официантку с очередным бокалом пива.

– Что сбежала одна из моих «пра-пра-пра» с молодым красавцем музыкантом из гнезда фамильного счастья в любви искать. Да вот только нашла ли?

– Ну, значит, нашла, раз ты тут напротив нас сидишь, – взяв только что принесенный Микелой бокал, Алекс задумался и снова взял в руки гитару.

– Ладно. Будь что будет! – прервав создавшееся между ними молчание, Юля, кивнув в благодарность Микеле, уверенным движением поставила перед собой свежее пиво. – Ты, главное, вот что запомни: таких контор, как твоя, как собак нерезаных, а ты одна! Понимаешь?! Я что звонила-то тебе! У меня тут заказик один подвернулся, – она встрепенулась, будто стараясь сбросить с себя все проблемы, что роем назойливых мух зудели у нее над головой. Выйдя замуж по любви за итальянского гражданина и переехав к нему в Милан, Юля с трудом находила понимание со стороны его родителей, считавших, что в иностранных браках, кроме, как скупого расчета, нет, и не может быть ничего хорошего. Спокойно владевшая тремя языками: русским, итальянским и английским, она без труда нашла работу в одном из туристических агентств города. Пытаясь доказать своим новым родственникам, что она не одна из тех корыстных хищниц, о которых кричали газеты и журналы, что якобы приезжают в Италию в поисках богатых мужей, она охотно бралась за любую подработку переводчиком и гидом туристических групп. Со временем подобрав себе более-менее устоявшуюся клиентуру, Юля уже имела постоянный заработок и подумывала об открытии своего собственного туристического агентства.

– А что за заказик? – отозвалась Елена. Пиво сыграло свою роль, ее нервная система начала понемногу расслабляться. Девушка могла уже без всяких эмоций говорить о посторонних делах, не перескакивая то и дело в мыслях на воспоминания о событиях прошедшего вечера.

– Ладно, девчонки, – видя, что разговор переходит в неинтересное для него русло, протянул Алекс, лениво вставая с бочонка, – вы тут болтайте. Я пойду, посмотрю, что у меня там творится, – он кивнул в сторону барной стойки и толпившихся вокруг нее посетителей.

– Ок! Увидимся! Слушай, Лен, – весело махнув бармену, заговорщически начала подруга, – ты на ближайшие выходные уже на что-то подписывалась? Ну, типа, какая-либо подработка есть у тебя?

– Нет, – ожидая продолжения, Елена уставилась на нее. На дополнительную работу по графике она соглашалась охотно. Денег катастрофически не хватало. Оплата квартиры, налоги за кондоминиум съедали ползарплаты. Оставшихся средств с натяжкой хватало на проживание. Вечерами она часами сидела за компьютером, штудировав все известные ей сайты, где мелкие фирмы, что не могли позволить себе иметь в штате собственного графика, размещали свои объявления о поисках фрилансера для верстки журналов, обработки фотографий или какой другой работы с графическими программами. Для некоторых из них Елена уже выполняла кое-какие проекты. Так, те присылали ей заказы напрямую по электронной почте. Какие-то из фирм предпочитали общаться через интернет-сайты, считая это менее уязвимым для бизнеса и более надежным способом ведения переговоров. – Мне тут брошюрку одну закончить надо, но думаю, я с ней завтра разделаюсь, – задумчиво произнесла она. – А что? Есть что-то важное?

– Да есть тут у меня клиент один. Вернее даже не клиент, скорее знакомый из России, так у него соседка замуж выходит за американца. Решили они свадьбу в Венеции сыграть, типа модно сейчас это. Хотела я, было, это дело под свою опеку взять. Да поговорив с невестой, решила агентству ее спихнуть. Уж очень невеста эта привередливая. И то не так по ней, и это. Короче, проблем мне одной с ней будет невпроворот.

– И что? – Елена, удивленно взглянув, пожала плечами. – А я тут причем? Ты же знаешь, я переводами не занимаюсь. С меня и графики хватает.

– Подожди, не суетись. Я к этому и клоню. Они твои фотки видели, что на сайте агентства висят. Помнишь, ты, как-то для их рекламы, отели с новобрачными фотографировала?

– Ну, помню.

– Так вот! Невеста от них в восторге. Они тебя хотят в фотографы. Плюс ко всему ты русская, а эта невеста ни кому из заграничных фотографов не доверяет. Говорит, что они все шиворот-навыворот понимают и ее красавицу на снимках искажают не в лучшую сторону. Агентству твоя кандидатура тоже на руку. Проблемы с недопониманием ему совершенно не нужны.

– Я, конечно, «за»! Но, елки, почему, обязательно, все «пальцегнутые» мне достаются? Ну, не умею я с ними общаться! – недовольно выдохнула Елена, – Я что им, Мать Тереза, наставлять их на путь истинный?!

– Ха! Если не ты, то кто умеет? – хмыкнула Юля. – Вспомни, как одна из богатых американок с гондолы в канал плюхнулась. Видите ли, великосветскую даму из себя покорчить захотелось.

Елена звонко рассмеялась, вспомнив неуклюжую особу в три обхвата в ширину в белоснежных атласных брюках, гипюровой блузочке и с соломенной шляпкой на голове. Эта дама, будучи Юлиной клиенткой, решила заказать себе фотосессию по каналам Венеции. И Юля, не зная, как выйти из положения, была на седьмом небе от счастья, узнав, что Елена, с которой она только познакомилась, была не только приятным собеседником, но и к тому же прекрасным фотографом. Увидев фотки подруги, она тут же, не раздумывая, пригласила ее на эту работу. Та фотосъемка была одним из первых заказов Елены. Девушка ужасно нервничала. Ей постоянно казалось, что все, что она делала и говорила, было не лад и невпопад. Руки предательски дрожали, сжимая тяжеленный фотоаппарат с огромным объективом. Солнце, словно чувствуя ее неуверенность, при каждом кадре светило не там и не туда, как назло посылая

свои лучи не под нужным ей углом. Ветер дул не в ту сторону. Пролетавшие мимо голуби не вовремя врывались в кадр. Казалось, все в тот день шло наперекосяк. В довершение всех бед перед последней поездкой на гондоле, ее упитанная клиентка вдруг решила соорудить из себя хрупкую лебедушку и, жеманничая перед объективом, начала спускаться с причала в гондолу. Томно протянув свою пухлую ладошку хрупкому пареньку-гондольеру, она всей своей массой навалилась на поданную им руку. Не рассчитав соотношение между длиной шага, весом своего тела и выносливостью паренька, упитанная дама со всего маху плюхнулась в канал.

В тот момент Елена в ужасе подумала, что этот радостно принятый ею заказ и будет закатом ее короткой и столь неудачно закончившийся карьеры фотографа.

– Ой, не вспоминай! – воскликнула девушка и звонко рассмеялась, – Я думала тогда, что умру от страха.

– А вспомни, что ты ей сказала? Причем на полном серьезе! – подмигнула ей Юля. – «Синьора, вы знаете, это великая удача свалиться в канал. По местной примете вы непременно выиграете миллион!», – наигранно произнесла она, разведя в стороны ладошки, словно та незадачливая американка.

– Надо же было такое придумать?! – хохотала Елена, – Если честно, я со страху вообще не соображала что говорю и что делаю. Как я ей только не лягнула, что-то вроде: «какая радость, синьора, что вас пиявки не покусали».

– Но ведь это на нее подействовало! Спорим, никто другой бы до такого не додумался. Уж и не знаю, как это тебе удалось! Зато она была так рада узнать, что она одна из немногих, кто осчастливил Венецию своим падением, и непременно в скором времени получит награду, – заливалась хохотом Юля.

– Ты только своим клиентам этого не сболтни. А то жителям Венеции от них проходу не будет, как пойдут всей толпой за «миллионами» в каналы кидаться.

– Так что, как ни крути, а на эту фотосъемку я тебя подпишу. Причем платят они хорошо, грех упускать такую возможность.

Венеция

Поезд прибыл без опоздания. Недовольно скрипнув тормозами, словно толстый, утомленный долгой дорогой удав, он медленно вполз под полукруглый купол центрального вокзала и, тяжело проорчав от усталости нечто несуразно, остановился и затих. Елена спустилась на перрон. Осторожно стащив вниз громоздкий чемодан с лампами и остальным снаряжением для фотосъемки, девушка накинула на плечо сумку с фотоаппаратом и оглянулась вокруг.

Она снова в Венеции! Елена любила этот город за его загадочность и непринужденность. За гулкий отголосок тротуаров, что сопровождал ее всякий раз, когда ее каблучки касались их поверхностей. За полумрак и таинственность узких улочек-лабиринтов, скрытых от глаз туристов. За шелест воды, пение гондольеров и нерасторопную беззаботность местных жителей, что с улыбкой встречали приезжих туристов. Бродя по безлюдным уголкам Венеции, каждый раз Елене казалось, что она давно уже знает их, знает их тайны, о чем они говорят, шепчутся тайком от пробежавших мимо прохожих. Что-то необычно знакомое было в атмосфере этого города, такое, что девушка никак не могла объяснить себе. Вот и сейчас, быстро шагая от вокзала к небольшому причалу, ее туфельки, весело чеканя по мостовой, отстукивали приветливую дробь. Маленькие колеса чемодана оживленно шуршали вдогонку, пытаясь попасть в такт всеобщему привокзальному гулу. Легкий ветерок, дувший с причала, словно старый знакомый, радостно встречал Елену.

Подойдя к каналу, она остановилась.

– Это вы фотограф на свадьбу? – услышала она слева от себя звонкий женский голос. – Здравствуйте! – весело прокричала ей высокая брюнетка, стоявшая у кассы. По фотосумке, что висела на плече у Елены, она тут же признала в ней ожидаемого фотографа. Брюнетка широко улыбнулась и протянула Елене руку. – А я уж боялась, что вы не приедете.

– Здравствуйте! – пожав протянутую девушкой руку, улыбнулась Елена. Приятно было видеть во взгляде незнакомого человека слегка уловимые нотки тревоги и заботы. – Да не волнуйтесь вы так. Юлия говорила, что у вас какие-то сложности с новобрачными.

– Есть немного. Уж очень придиричивый клиент пошел, – взяв у кассира два билета на речной трамвай, она протянула один из них Елене. – Нам туда, – махнула брюнетка рукой в сторону замершего в ожидании пассажиров транспорта. – Хотят непременно в замках венчаться. Фотограф чтоб из Милана, а свадебный стол с канделябрами. А где я им в наше время канделябры найду?! – она возмущенно пожала плечами. – Они по выставкам, да по музеям разобраны. Хорошо, хоть остальные два требования удалось выполнить.

Получив билет, Елена протянула его кондуктору и с помощью своей новой знакомой, затащила чемодан в просторный салон речного трамвая.

– Ой, совсем забыла представиться, Моника, – воскликнула девушка. – Дело в том, что в этот раз у нас невеста русская, а жених из Америки. Они практически не говорят по-итальянски. Могут, конечно, выдавить из себя «ciao» или «buongiorno», например. А между собой все на английском, вроде даже как понимают друг друга. А нам что прикажете делать? – округлив глаза, развела она в недоумении руками, – Где мы на всех клиентов полиглотов в сфере услуг найдем?! Экскурсоводов – это конечно. А парикмахеров, официантов, священника, наконец?! Как он их венчать будет? – подчеркивая каждое слово жестикующей, Моника напомнила встревожено щебетавшего на ветке воробья. Ее острый, вздернутый вверх нос и по-детски круглые глазенки никак не сочетались с тем выражением озабоченности, что было написано на ее лице. – Хорошо хоть вас нашли. После просмотра ваших работ невеста ни о ком другом и слышать не хочет. И я ее прекрасно понимаю. Кто знает, что было бы, окажись я в чужой стране перед алтарем с иностранным мужем! – выдохнула Моника. Кончик ее носа взлетел вверх и, вырисовав в воздухе петлю, снова вернулся на прежнее положение.

Речной трамвай весело бежал по Большому каналу, ловко огибая крошечные, по сравнению с ним, толстобокие лодочки и украшенные под старину элегантные гондолы. Радуюсь утренней пробежке по водной глади, он весело урчал мотором, будто напевая что-то себе под нос. Плеск волны и переплетавшиеся с ним порывы налетавшего ветра, придавали еще большее оживление его ворчливо-урчащей песне. Сидя рядом с Еленой, Моника без устали щебетала, описывая создавшуюся в их турагентстве необычную ситуацию с новобранцами. Оставив позади многолюдный мост Риальто, они уже подплывали к Площади Сан Марко, когда Моника, вдруг, встрепелась и, крикнув Елене «Смотри! Смотри!», вскочила и подбежала к левому борту речного трамвая. Рядом с причалом, недалеко от площади красовался элегантный белоснежный катер.

– Новая игрушка одного герцога, – не отрывая взгляда от катера, тяжело вздохнула Моника. – Ты только посмотри, какой красавец! Представь себе – «Подарок на День рождения»! – пафосно произнесла она, – Кому-то парусники с яхтами, а ты тут работаешь, работаешь. Батрачишь изо дня в день как лошадь, ... – она состроила кислую физиономию и устало плюхнулась обратно на место.

– Да, покататься бы на таком, – проводя взглядом удаляющийся катер, согласилась Елена.

* * *

Офис турагентства, в который прибыла Елена, располагался недалеко от набережной в небольшой каменной пристройке к старинному зданию. Разительно отличаясь от окружавших его старинных кирпичных строений, дремавших под так называемым «грузом вековой истории», он словно новорожденный птенец, любознательно взирал огромными глазами-окнами на окружающий его мир. Внутри здания творилась неимоверная суматоха. Широкие входные двери не закрывались ни на минуту, впуская и выпуская, вновь прибывших или отправлявшихся на проведение очередной экскурсии, гидов. В довольно широком помещении, искусственно разделенном высокими шкафами на три небольших отдела, стояли столы вперемежку со стульями и разбросанными там же огромными коробками с почтой. Сидевшие за столами сотрудники, перекидываясь друг с другом редкими фразами, что-то быстро набивали на клавиатурах, светившихся перед ними компьютеров. Громким урчанием вторгаясь в рабочую суматоху, то и дело, стрекотал стоявший в углу принтер, недовольно выбрасывая наружу один отпечатанный листок за другим.

– А, фотограф из Милана! – войдя в офис, услышала Елена бодрый голос высокой блондинки, сидевшей в стороне от остальных. – Ждем-ждем! Клиент уже дважды звонил и спрашивал о вас. Франчи, распечатай-ка мне договор на фотосессию, – легким разворотом головы обратилась она к сидящей у окна худощавой брюнетке, – сейчас сразу его и подпишем.

Как и догадалась Елена, эта светловолосая женщина, что так резво отреагировала на ее появление, оказалась начальником агентства. Франческа встрепелась, кинула робкий взгляд сначала на начальницу, затем на гостью и начала что-то быстро отстукивать по клавиатуре. Через минуту, чуть дернувшись от непривычной передышки, принтер ворчливо выплюнул наружу пару листов бумаги. Да вижу, ты тут с аппаратурой прибыла, – несколько озадаченно протянула начальница. Ее острый взгляд быстро пробежался от объемного чемодана Елены до висевшей на плече сумки с фотоаппаратом.

– Взяла пару ламп, – в подтверждение, Елена кивнула на стоявший с ней рядом чемодан. – Обычно в церквях света маловато для нормальной съемки. Так что, придется с лампами повозиться, – неловко пожав плечами, улыбнулась девушка. Не ожидая понимания и всплеска интереса со стороны начальницы турагентства к тонкостям фотографического процесса, она решила не вдаваться в подробности и не описывать детали ее предстоящей работы.

– Да-да, видела я эту церковь, где они венчаться хотят, – взяв листы с принтера, начальница быстрым росчерком расписалась в нижнем правом углу каждого их них, – маленькая и темная. Она недалеко от площади Сан Марко, за парой каналов к востоку, – подняв взгляд на Елену, она протянула гостье подписанный договор. – Мне еще тебе все адреса выдать надо, где они фотографироваться собираются. И, однако, дам я тебе помощника, на всякий случай. А то ты одна со своей аппаратурой, думаю, долго не протянешь. Эй, Фабио! – на весь офис прогремел ее звонкий высокий голос.

Тут же, откуда-то из подсобного помещения, находившегося за узкой дверью в дальнем углу комнаты, послышался гулкий грохот падающих коробок. Вслед за ним в проеме приоткрывшейся двери показалась обрамленная черными кудрями круглая мордашка паренька лет пятнадцати-шестнадцати.

– Фабио, что там у тебя? Никак опять землетрясение? – услышав звук падающих предметов, начальница уставилась на юношу.

– Ну как же, синьора Орнелла! – парень, округлив глаза, ошарашено взглянул на нее. – Вы же сами сказали разобраться с ненужной почтой и старыми контрактами. А пойми-разбери их там, какие из них старые, а какие нет! Вот я и разбираюсь, – озадаченно почесав затылок, пробубнил Фабио. – Ну и пылищи там! Мамма Мия! – высунувшись весь из-за двери, он стал демонстративно отряхивать от пыли свои потертые джинсы.

– Ты случайно там потайной вход в один из Дожевых погребов не обнаружил? А то поделился бы находкой-то. Ну, шевелись! – прикрикнула Орнелла на парня. – А то своим грохотом вон на Сан Марко всех голубей перепугал!

– Что вы синьора, им же веселей, туристам то есть. Будет о чем дома рассказать, – отряхивая штаны от налипшей пыли, пыхтел Фабио.

– Ага, о том, как они под голубиный обстрел попали?!

– Ну, это как сказать, думаю, экскурсоводы найдут способ, как выкрутиться. Типа это счастливый сюрприз от местного пернатого населения, – важно приподняв руку над головой, продекламировал он. – Типа «знак судьбы голубиным пометом помеченным быть», или «год вам беспроигрышной лотереи». Кто от такого счастья откажется? – состроив невинную физиономию, закончил он.

– Вот предьявят тебе счет по очистке одежды от глубинных сюрпризов, будешь знать! А ну шевелись, говорю! – недовольно выпалила Орнелла.

Елена улыбнулась, смотря на перепалку подчиненного с начальником. Площадь Сан Марко и кружившие над ней голубиные стаи входили в план ее фотосессии. Она живо представила будущих молодоженов стоящими под «голубиным обстрелом», и светившимися от радости быть отмеченными знаком судьбы. Не удержавшись от такого видения, Елена невольно хихикнула.

– Вон, даже представителю из Милана не по себе от твоей выходки, – увидев улыбающееся лицо гостьи, начальница тут же смягчилась, заулыбалась и более снисходительно продолжила. – Короче, заканчивай разгребать свои бумаги и пойдешь с фотографом, – она кивнула в сторону Елены, – будешь помогать ей с оборудованием. Да не филонь там! – для порядка прикрикнула она на юного помощника.

– Есть, шеф! – недовольно проворчал Фабио. Отряхивая остатки пыли со своей одежды.

– Ты поостроже там с ним, а то он известный любитель на шею садиться, – обращаясь к Елене, Орнелла взяла со стола еще один отпечатанный листок бумаги и протянула ей. – Здесь, список всех адресов, которые тебе понадобятся, – пояснила она, медленно водя указательным пальцем по строчкам. – Вот этот, – она остановилась на первом по списку, – твой отель, забронированный на два дня. Там тебя уже ждут. Езжай сейчас туда, а потом часика этак в два, – Орнелла, на мгновение, задумавшись, бросила быстрый взгляд на висевшие на стене круглые

часы, – Да, в два! – уверенно подтвердила она, – Встречаемся со всеми вот здесь! – она торжественно ткнула пальцем в следующую за первой строчку. – Есть карта?

– Да, конечно, – спокойно ответила девушка, словно наличие такого предмета как карта города, было безоговорочным пунктом в ее поездках. Еще ребенком, она часто путешествовала с родителями. И каждый раз перед поездкой, они вместе сидели, склонившись над разложенной на столе картой того или иного региона Италии, и внимательно изучали маршрут предстоявшего путешествия, делая пометки фломастером на местах, где они хотели бы остановиться и осмотреть достопримечательности. Елена тут же достала из бокового кармана сумки карту Венеции и протянула ее Орnelle.

– Так, посмотрим, – задумчиво пробормотала та, аккуратно разворачивая сложенный листок бумаги. – Значит, это будет здесь, – она указала на небольшой зелено-коричневый участок, расположенный как раз напротив пристани у центральной площади. – Остров Джудекка! – с выражением произнесла она название острова и продолжала. – Туда морской трамвай ходит. В два часа там будет ждать Моника, что встречала тебя сегодня у вокзала. Она поведет тебя знакомиться с молодоженами, там все и обсудите. В отеле, где они остановились, есть прекрасный сад. Как раз сегодня в нем у тебя первая фотосъемка запланирована. – Орnelle внимательно посмотрела на девушку. – Ну как, ты готова?

– Без проблем, – пожала плечами Елена. Она, конечно, не подозревала, что в день приезда ей сразу предстоит включиться в работу. Но что поделать, работа есть работа, и желания клиентов порой мало когда зависели от ее собственных желаний.

– Вот и хорошо, – кивнула Орnelle и, покрутив в руках карту, стараясь найти на ней нужные объекты, продолжила, – А завтра венчание вот в этой церкви. – Орnelle указала на маленький крестик, едва видневшийся на пересечении двух голубых линий-каналов вычерченных в паутине венецианских улиц.

– А эта церковь сегодня открыта? – Внимательно рассматривая карту, Елена как можно точнее пыталась запомнить напечатанные на ней мелким шрифтом названия улиц. – Не плохо бы заглянуть туда, прикинуть положение ламп и направление света, чтоб завтра с утра с этим не возиться.

Ее не радовала мысль терять драгоценное время на постановку света прямо перед церемонией, лихорадочно распутывая шнуры и в спешке прикидывая, а не попадутся ли они под ноги молодоженам. Так же ее не радовала идея наугад ставить свет, чтобы потом, в процессе фотосессии поправлять его каждый раз. Она подумала, что будет лучше это сделать заранее, без лишней спешки и недовольных взглядов со стороны приглашенных.

– Церковь открыта сегодня до семи, – среагировала на вопрос, сидевшая у окна напротив, одна из работниц. Я утром с ними созванивалась, вопросы по оформлению решала. Им тоже кое-что там доделать надо.

– Если успеешь, пожалуйста, – пожала плечами Орnelle, делая вид, что из всех проблем на сегодня, сам процесс фотосъемки – это последнее что ее должно волновать.

– Тогда я сейчас прямо туда, – втайне радуясь, что ей дали самой что-то решать, выпалила Елена. – Прикину, как там с освещением, лампы оставлю, а к двум часам буду на острове Джудекка. Как вам?

– По мне так замечательно! – откликнулась начальница, приподняв обе руки вверх, тем самым показывая, что она только рада сбросить с себя решение столь далекого от нее вопроса, как вопрос с освещением церкви. – Думаю, с тем, чтобы оставить там оборудование, проблем не будет, – добавила она и снова обратилась к списку адресов. – А вот здесь, – Орnelle указала плотно застроенную территорию справа от Большого канала, в самом его конце, – у них торжественный ужин.

– А что там? Ресторан? – вглядываясь в пересечение серой паутины улиц, спросила Елена.

– Нет, там один герцог живет. Он согласился сдать на вечер свою гостиную. Отец ново-брачной какая-то важная персона в России. И жених тоже не из бедных. Так родственники настояли, чтоб ужин непременно в каком-нибудь замке был. Говорят, раз в жизни, так чтоб с шиком. Ох уж эти богатеи! А герцогу позарез деньги нужны, – она вздохнула и продолжала. – Но у невесты с женихом есть одно условие, чтоб все было на уровне, будто по-настоящему. Джинсы не допускаются!

– Думаю, меня это не касается, – равнодушно отмахнулась Елена. – Меня все равно на фотках не будет видно.

– Нет, голубушка, это касается абсолютно всех присутствующих! – язвительным тоном, исключаящим пререкания, отпарировала Орнелла. По ее возгласу было заметно, что эта часть сделки ей самой не слишком-то по душе. Ведь для нее вся мишура с переодеванием не что иное, как лишние расходы и хлопоты по подбору костюмов и украшений. – Так что придется и тебе в какую-нибудь нимфу наряжаться.

Елена в ужасе представила, как она с огромным увесистым фотоаппаратом в руках, одновременно придерживая разлетающиеся во все стороны полы бального платья, будет скакать вокруг молодоженов, выискивая нужный ракурс. Очевидно, все ее эмоции по вопросу карнавальных костюмов в один миг отразились на ее лице, так как Орнелла, тут же сменив гнев на милость, уже более спокойно продолжала:

– Ничего не поделаешь. Все мы в этой жизни лишь актеры, – покачала она головой. – Они клиенты, они платят. Здесь недалеко есть небольшой магазинчик: «Все для карнавала». Постараемся подобрать там тебе что-нибудь подходящее. Ну а сейчас, можешь быть свободна. – Орнелла вручила Елене список адресов предстоящего торжества, выдала последние указания новому ассистенту фотографа, Фабио, чтобы тот был более расторопным, и проводила их до двери.

Попрощавшись с работницами агентства, Елена, в сопровождении ее нового помощника вышла из офиса. Все еще сжимая в одной руке карту города, в другой ручку катившегося следом чемодана с оборудованием, она подошла к причалу, гадая в каком направлении ей нужно ехать.

– Вон тот трамвай, синьора, – заметив ее растерянность, среагировал паренек.

– Какая я тебе синьора?! – тут же весело передразнила его девушка. Детское смущение и подростковая неуклюжесть парня смешили ее и в то же время, выстраивали какой-то незримый барьер в общении с ее новым помощником. – Зови меня просто Лена. Так тебе, вроде, проще будет.

– А-льена, – смущенно протянул он и добавил, – это что, по-русски что-то вроде инопланетного пришельца, что ли? – Фабио в недоумении пожал плечами и соорудил смешную гримасу.

– Ой, и правда! – звонко засмеялась девушка. Ведь то, что он произнес, было так похоже на слово «альена», что по-итальянски означало «инопланетянин». – Да никакой я не инопланетный пришелец! Короче зови меня, как хочешь, как тебе удобней всего, – улыбнулась она.

Плеск воды и несмолкаемый крик чаек сразу выдернули Елену из вихря витающих в голове мыслей о предстоящей работе. После душной офисной обстановки свежий воздух был как нельзя кстати. Обволакивая все тело приятной прохладой, и игриво путаясь в волосах, легкие порывы ветра тут же вызвали улыбку на лице девушки, поднимая планку ее настроения на порядок выше.

Невдалеке виднелся огромный причал. Пришвартованный там туристический лайнер, словно огромная, усыпанная алмазами-окнами белая птица, дремал в ожидании своих пассажиров. Оживленно стрекоча моторами, неторопливо показался из-за него речной трамвай. Будто маленькое хлипкое суденышко на фоне белоснежной громадины, он, осторожно огибая ее, шустро бежал к причалу, где стояла Елена. Издав два больших гудка, трамвай резво при-

швартовался. Расторопный матрос тут же опустил трап на бетонный выступ причала. Разношерстная толпа горланивших пассажиров мигом вывалила на берег.

– Вы куда? В сторону Сан Марко? – аккуратно обходя толпу, обратилась Елена к матросу, пропуская пассажира.

– Точно! Туда! – бойко выпалил молодой парень. – Бери билет и давай на борт.

Спустя некоторое время, удобно устроившись на деревянной скамейке открытой части судна, Елена со своим помощником Фабио внимательно разглядывали карту города, стараясь отыскать на ней кратчайший маршрут от главной площади до церкви, где должна проходить церемония.

Церковь, куда прибыли Елена и Фабио, оказалась маленькой, но очень просторной. Небольшая резная дверь, выходящая на канал и являвшаяся неотъемлемой частью слитых воедино фасадов других домов, своими размерами давала прохожему ложное впечатление о размерах самой церкви. Казавшийся маленьким и неуютным снаружи, внутри храм был довольно просторным и вместительным. Посреди широкой залы располагался алтарь, со вкусом украшенный белыми лилиями и хризантемами, ажурно соединенными тонкими атласными ленточками. Напротив алтаря стояла, приготовленная для молодоженов обшитая бархатом скамейка. В конце залы стройными рядами стояли деревянные лавочки, и монашки, одетые во все серое, шустро суетились вокруг них, аккуратно прикрепляя по букетику с каждой стороны ряда.

Елену там уже ждали. Служитель церкви, увидев вошедших, тут же поспешил им навстречу. Представившись, он охотно рассказал Елене, о том, как будет проходить церемония и где у них находятся электрические розетки, куда можно будет беспрепятственно подсоединить оборудование. Так как у девушки за плечами уже было несколько фотосъемок в церкви, то по расположению зала она живо представила, как подойдут к алтарю жених и невеста, и где будет располагаться остальная свадебная процессия. При помощи Фабио она попыталась подключить шнуры. Но всякий раз, проходя мимо проводов, словно по волшебству ноги парнишки начинали выплясывать какой-то невероятно неуклюжий танец, спотыкаясь на ровном месте, подпрыгивая и запинаясь при каждом шаге. Вспоминая недовольство Орнеллы его поведением, Елена теперь поняла, чем оно было вызвано. Немного подумав, она отправила напарника сидеть на лавочке неподалеку, так сказать озирать окрестности, присматриваться, приглядываться, чтобы после, поделиться с ней Еленой якобы, наблюдениями и догадками о предстоящем празднестве. Только лишь бы он не путался под ногами.

Был уже полдень, когда девушка закончила с установкой света в церкви. Получив разрешение от священника оставить фотооборудование после церемонии до вечера, так как с предстоявшей прогулкой по каналам после венчания, она вряд ли сможет сразу забрать его, Елена, позвав томно возлежавшего в раздумьях на лавке Фабио, поспешила на встречу со своими новыми клиентами.

Контракт

– Ваша сестра этого не одобрит, – аккуратно складывая в папку подписанные бумаги, озабоченно покачал головой управляющий. Работая на семью Баккальери, он уже давно изучил привычки всех ее членов и знал, на что каждый из них способен и что от кого ожидать.

– Знаешь, Пьетро, мне не интересно знать, что одобрит или не одобрит моя сестра, – отрезал Альберто, вставая из-за стола. – После смерти родителей, считая лишь себя ответственной за их наследство, она прибрала к рукам почти все оставшееся после них. А мне досталась лишь кипа долгов, совсем небольшая, как выразился ее адвокат, всего лишь размером с Монблан, – иронически хмыкнул он, – Если бы не тетушка Лючия, что вовремя переписала на меня этот дом с судоходной конторой на восточном причале, которая осталась от ее мужа, Джессика бы и их прикарманила.

– Да, тетушка ваша добрейшей души человек. Она-то в курсе что за «чудо» ее племянница. Сестра ваша уж точно будет в ярости, когда узнает, что дом, на который она когда-то виды имела, станет гостиной для новомодных богатых иностранцев, – вздохнул собеседник и положил в портфель папку с только что подписанными документами. Осторожно вставая из-за стола, он привычным движением откинул назад растрепавшиеся при письме волосы, ожидая дальнейших указаний.

– А что ты мне предлагаешь? – пожал Альберто плечами. – Долг по выплатам ежегодно растет. Прибыль от судоходства его едва покрывает. И если я не смогу уменьшить его сейчас, в следующем году будет повод забрать дом за неуплату. И уж сестрица моя не упустит шанс прибрать его к рукам.

– Раз решили, воля ваша, – подытожил Пьетро. Легким движением он подхватил портфель и, удобно устроив его подмышкой, сделал шаг назад. – Могу я передать эти бумаги бухгалтеру? – учтиво спросил он.

– Да, будь так любезен, – устало кивнул Альберто. Ему самому мысль о сдаче собственной гостиной под место свадебного ужина, даже на один вечер, не приносила никакой радости.

– Надеюсь, после визита этих толстых кошельков все останется по-прежнему, – вздохнул управляющий.

– В агентстве меня заверяли, что они очень порядочные люди. Невеста – дочь какого-то банкира. Жених – владелец крупной фабрики в Нью-Йорке. Люди, умеющие вести бизнес, должны быть ответственными за свои поступки. Как ты думаешь?

– Будем надеяться, – повторил Пьетро и, пожав герцогу руку, вышел из кабинета.

Молодожены

Закончив с постановкой фотоаппаратуры, Елена отпустила Фабио обратно в агентство. Ей было жалко заставлять парня тратить оставшиеся полдня на присутствие в переговорах с клиентами, выслушивать их ненужную болтовню, пожелания и претензии. Да и ей самой, не так часто посещавшей Венецию, хотелось еще раз пройтись одной вдоль живописных каналов, вслушиваясь при каждом шаге в отголосок плеска воды. Девушке нравилось, кружить по лабиринтам переулков, словно в первый раз любуясь причудливой красотой построек, вылавливать взглядом необычные узоры оконных рам, представляя как жили и о чем думали здесь обитатели прошлого.

Остаток дня обещал быть солнечным. Свежий ветерок легкими порывами налетал со стороны моря, разгоняя опускавшуюся на город жару. Почти не заглядывая в карту, девушка безошибочно приближалась к пристани. Она не знала дороги, но все же была уверена, что движется в нужном направлении. Словно кто-то незримый вел ее за руку. Невидимым переплетением потоков ветра и еле слышного шороха шагов звал ее за собой, придавая ей уверенность и вызывая улыбку на ее лице. Ах, если бы не эта свадьба! Если бы судьба взяла и просто подарила ей пару деньков, чтобы побыть наедине с этим городом. Пройтись по его улицам, заглядывая в каждый, неприметный с первого раза уголок, давно жаждущий передать путникам свою сокровенную историю. Ведь достаточно всего лишь прислушаться! Ненароком забежать по пути в кафе и за разговором с веселым барменом, выпить чашечку горячего кофе. А затем сесть на одну из яхт и уплыть далеко-далеко навстречу новым приключениям от окружавшего ее одиночества.

Елена прекрасно понимала, что той сказки, что рисовало ее воображение не суждено осуществиться. А в ближайшем будущем ей предстояло знакомство с новыми «клиентами на пару дней» и возвращение в Милан к привычной для нее работе графика-дизайнера.

– Эй, дочка! Давай быстрее! Трамвай уже отходит, – прокричал пожилой моряк, увидев спешившую к причалу Елену. – Быстрее, быстрее! А ну давай! – уже готовый было убрать трап, он приостановился, ожидая, когда девушка поднимется на борт.

– Спасибо огромное, что подождали! – забегаая на палубу, выпалила Елена. – А то у меня важная встреча на том берегу, а следующий, по-моему, только минут через двадцать будет.

– Ты права, дочка, – подтвердил моряк. – Следующий трамвай через двадцать минут. Молодец, успела! – он ловко отвязал канаты и закинул их подальше на палубу.

Корабль, бодро урча мотором, отчалил от берега и шустро побежал вперед по морской глади.

На острове Джудекка Елену встретила начальница турагентства. Чтобы не было недоразумений по поводу «русскоговорящего фотографа из Милана», Орнелла лично решила представить девушку новобрачным. Стоя на пристани, она что-то весело обсуждала с Моникой, активно жестикулируя во все стороны руками.

– Нет, ты представляешь! Невесте вдруг срочно понадобилось платье от Версаче! – ошарашено глядя на подошедшую к ним Елену, театрально провозгласила Моника. – Так что, запланированная нами фотосессия в садах отеля переносится на вечернее время. Тебе как вечернее время? – выплеснула она на Елену все скопившееся в ее душе раздражение за время ожидания на причале.

– Вечер, так вечер, – расстроено пожала плечами фотограф, не зная, что делать с предстоящим вечерним освещением, ведь все лампы она оставила в церкви, и как успокоить вышедшую из себя начальницу. – Правда свет уже будет не тот. Но я постараюсь выжать все что смогу.

– Вот и я о том же подумала, – согласилась Моника. – Какая же съемка вечером?! Солнца нет! – она развела руками. – Закаты у нас красивые. Когда на катерах зажигаются вечерние

огни, просто чудо как здорово! Но как это заснять? – в недоумении она скорчила смешную рожицу. Ее острый носик тут же вывел в воздухе нечто подобное вопросительному знаку. – Сплошные разводы получаются, – подвела она итог своему возмущению.

– А можно хоть глянуть на эти сады, чтоб сориентироваться? – спросила Елена, начавшая было прикидывать, какие настройки у фотоаппарата ей надо будет подобрать при вечерней съемке.

– Это запросто, – откликнулась Орнелла. – Можешь даже с женихом поговорить. Он сейчас здесь в отеле. Обсудить что и как.

– Замечательно! – прибодрившись, воскликнула Елена, начиная уже было чувствовать себя бесполезной в создавшейся ситуации, – хоть расспрошу о том, что они ожидают от фотографий в Венеции.

Уже стемнело, когда невеста в купленном вечернем платье от Версаче вышагивала по поляне, строя из себя великосветскую даму, и, закатывая глазки, жеманно водила плечами. Елена же, бегая вокруг нее с фотоаппаратом, ловила наилучшие моменты для съемки. Огни ближайшего отеля со всех сторон освещали прилегавший к нему парк. Это вселяло надежду в отчаявшегося, было, фотографа, что ее труды не пройдут даром и из снимков все еще могут получиться неплохие кадры.

– Ах, как это должно быть прекрасно, сниматься у Готье! – восклицала клиентка. Елена уже сто раз пожалела, что на вопрос рассказать о своей работе, упомянула об одной фотосессии двухлетней давности, когда ее пригласили ассистировать одному знаменитому фотографу на показе новой коллекции Жана Поля Готье в Милане. – И чем же он расплачивался с вами? Шмотками, небось? – протянула невеста кокетливо, словно сам процесс так называемой расплаты уже вызывал у нее эйфорию.

– Деньгами, шмотки я и сама купить могу. Чуть правее, пожалуйста, вот так, – стараясь не заострять внимание на вопросе о шмотках, продолжала Елена, – личико чуть правее, замечательно!..

– Ах, и почему всё – жителям Милана? – выдавливая из улыбки что-то похожее на очарование, стонала невеста. – Ах, как я устала, весь этот шопинг... Целый день на ногах, и вот сейчас...

– Не волнуйтесь, еще пара снимков и я вас отпущу, – постаралась подбодрить ее Елена.

– Да-да, сегодня пара, завтра пара... Когда же свобода...

Загадочный замок

День свадьбы прошел относительно спокойно. После непродолжительной прогулки на катере новобрачные прибыли в церковь.

Жених был одет в светло бежевый сюртук из плотной парчи, из-под которого бойко торчал накрахмаленный воротничок белоснежной рубашки, перетянутый черным галстуком-бабочкой, что придавало жениху несколько старомодный вид. Чувствуя некий резонанс своей одежды с окружающим его современным миром, деловой бизнесмен изо всех сил старался казаться невозмутимым, делая вид, что такая форма одежды, как этот бежевый сюртук, есть всего лишь вынужденная необходимость в ежедневно окружавшей его деловой паутине бизнеса. Мило улыбаясь своей избраннице и, все так же, не снимая с лица маску снисходительного равнодушия, он автоматически повторял все заученные им слова и движения.

Возлюбленная же его, казалось, вот-вот вылезет из платья, чтобы показать всю силу нахлынувших на нее эмоций. И вздыхала она, и томно поглядывая на жениха, вытягивала губы трубочкой, стараясь подчеркнуть ее чувства к нему. Чопорно припадая к иконе, почти в беспамятстве закатывала глазки, пытаясь придать этому моменту еще большую утонченность и величие.

Наконец они надели кольца и, поклявшись друг другу в вечной любви, вышли на улицу и выпустили двух белых голубей, как было предписано по плану. Голуби, почуяв свободу, тут же вспорхнули вверх и скрылись из вида.

После катания на гондолах у Елены было пара часов свободного времени, когда она могла забрать из церкви оборудование и унести его в гостиничный номер. А затем у нее оставалось еще полчаса, чтобы спокойно посидеть в баре, прийти в себя и подумать о предстоящей ей вечерней съемке уже в замке венецианского герцога, где новобрачные собирались провести торжественный свадебный ужин.

Как и было условлено, за час до начала ужина Елена в сопровождении Моники и своего помощника Фабио, вошла в небольшую, но уютную мастерскую по пошиву карнавальных костюмов. Хозяйка ателье, низкорослая полноватая женщина средних лет, радушно встретив гостей и, предложив им кофе, указала Елене на ее новый наряд, висевший в ожидании ее у зеркала.

– О господи! Что это за чудо и как оно одевается? – увидев уготованное ей вечернее платье, воскликнула Елена. Среди всех аккуратно развешанных по стенам, шкафам и стульям карнавальных одеяний, сшитых из парчи, шелка и бархата, оно казалось неестественно легким и нежным, словно сплетенным из застывших потоков ветра вперемежку с солнечными лучами.

Елена подошла к платью и осторожно провела рукой по невесомому розово-голубому в разводах шифону. Платье выглядело настолько воздушным, что казалось, от одного ее прикосновения тут же могло раствориться в воздухе.

– Это не чудо, – невозмутимым голосом отпарировала хозяйка ателье. – Это шикарное платье нимфы. – Аккуратно снимая изделие с вешалки, она осторожно подала его Елене и, указав на находившуюся в дальнем углу комнаты раздевалку, отправила ее переодеваться.

– Ну, ты даешь! Прямо вылитая нимфа! – глядя на Елену, появившуюся в новом наряде, воскликнула Моника.

Гордая от произведенного эффекта своим творением, портниха подвела Елену к зеркалу и, со знанием дела поправ ниспадавшие с плеч складки легкой накидки, произнесла:

– Вот так и носить будешь.

Работая уже много лет в швейном бизнесе, она за свою жизнь перевидала немало клиентов с их запросами и претензиями, под фигуры которых ей приходилось подгонять и затачивать свои «шедевры», так чтобы они смотрелись более-менее изящно.

– Сейчас здесь бретельку поправим, и будет идеально, – осматривая платье, сухо произнесла она.

– Классно! Как на заказ для тебя сшито! – восклицала Моника, оглядывая со всех сторон Елену. – Прямо с картины сошла! Что скажешь, Фабио? – она подтолкнула локтем стоявшего рядом паренька.

– Угу, – остоленев от увиденного, промычал тот невнятно, неуклюже опершись о дверной косяк.

– Вот видишь, даже этот недоумок окаменел от такой красоты.

– Эй, полегче ты! – обиженно пробубнил Фабио, – я не недоумок!

– Ладно-ладно, я пошутила, – весело хихикнула Моника. – Вот только волосы бы подобрать сзади, тогда уж точно нимфа получится, как на картинах рисуют.

– Сейчас что-нибудь подыщу, – с готовностью озадаченно выпалила портниха. – А вы что стоите? – обратилась она к Монике и Фабио. – Быстро переодеваться! Вон там вам приготовлено, – она махнула рукой в сторону гардеробной, где на дверке стоявшего рядом деревянного шкафа висели темно синее вечернее шелковое платье и черный элегантный костюм с белой сорочкой. – И пошевеливайтесь, а то за опоздание Орнелла с меня голову снимет.

– Вообще смотрится классно, – оглядывая себя и своих спутников, улыбаясь, ответила Елена. – Только, как я в этом одеянии фотографировать буду? – не привычная носить такого рода одежды, она внимательно осмотрела себя в зеркало. Приподняв правую руку вверх, делая вид, что придерживает ею фотоаппарат, подхватив левой рукой невесомый подол платья, она попробовала сделать пару шагов вперед.

– Аккуратней, аккуратней! – в тот же миг завопила портниха, видя, как, с ее точки зрения, по-варварски, относятся к сотворенному ею шедевру. – Умаяю, не всей ладонью, это же ты не горсть земли захватываешь. А двумя пальчиками. Вот так! – показав Елене, как правильно нужно придерживать подол платья, она отошла на два шага назад и окинула подопечную оценивающим взглядом. – И не нужно так закрываться, – портниха снова приблизилась к девушке и поправила лежавшую на плечах вуаль. – Я прекрасно понимаю, что живя у себя в России, ты привыкла кутаться, там холодно. Но здесь не Россия! – процедив сквозь зубы, она в чувствах прихлопнула по ладошке Елены, видя, что та автоматически потянула руку к вуали, чтобы придвинуть полотно назад. – Грудь должна быть полуоткрыта. У тебя прекрасная грудь, и нечего тут стыдиться, – строго произнесла портниха.

– Спасибо, – несколько оробев от комплемента, произнесла Елена. – Только когда я буду фотографировать, как же я услежу за всем сразу? Подолом, вуалью, фотоаппаратом, клиентами и полуоткрытой грудью? – осмотрев себя с нок до головы, недоуменно спросила девушка.

– На счет остального не знаю, но за вуаль можешь не беспокоиться, – уверенно произнесла женщина. – Будь естественной! И тогда не ты будешь подчеркивать платье, а оно будет подчеркивать тебя. – Словно только что выведенную аксиому, гордо произнесла портниха. Прячась за маской равнодушия и непробиваемости, она в тайне очень радовалась, что на полученный от Орнеллы заказ создания образа нимфы, ей попалась очень даже миловидная особа, а не крокодилица с постной гримасой на лице. И ей не пришлось подгонять свое творение под фигуру какой-нибудь неуклюжей толстушки.

– Ох, хорошо бы, – неуверенно выдохнула Елена. Тонкая нотка тоски по привычным для нее потертым джинсам и обычной футболке, тенью проскользнула в ее голосе. Но, невзирая на это, то, что она сейчас видела перед собой в зеркале, ей абсолютно нравилось.

От причала они шли пешком довольно долго. По стихшим, после шумного дня, узеньким старым улицам, постоянно поворачивая и петляя между домами. Елена поймала себя на мысли, что если бы не Моника, то она бы ни за что не нашла тот таинственный замок, в котором должен был проходить костюмированный вечер. И если бы не ковылявший сзади с фотоаппаратом

Фабио, то девушка бы уж точно не донесла нахлобученный на нее портняхой карнавальный шедевр в целости и сохранности.

Подойдя к указанному Моникой замку, Елена удивилась. На первый взгляд это было обычное, насколько можно сказать о венецианском стиле домов, высокое старинное здание с большими полукруглыми окнами, украшенными витражами. С одной стороны оно было обнесено высоким забором, что скрывал от постороннего взгляда нечто подобие небольшого летнего сада. Другой своей стороной оно встречало гостей высоченными дверями с выкованной на них из железа узорной резьбой в виде виноградной лозы, уходившей вверх со свисавшими с ее ветвей шикарными гроздьями.

Первой подойдя к двери, Моника уверенным жестом нажала на столь не вяжущийся с древним стилем строения звонок домофона, расположенный справа от ручки. Дверь тут же открылась, впуская гостей внутрь.

Ухоженный пожилой привратник с аккуратно зачесанными назад седыми волосами пригласил их пройти за собой по узкому, ничем ни приметному серому коридору к ведущей наверх такой же невзрачной лестнице.

Войдя внутрь здания, Елену вдруг охватило непонятно-щемящее ее душу чувство, словно она была уже здесь раньше. Знала эту дверь, эту лестницу. Когда-то давным-давно такой же седовласый привратник открывал ей переднюю дверь, приглашая войти. И запах старого дома, искусно переплетенный с тонкими нитями сырости и уюта, чувством родного очага с привкусом ностальгии по чему-то родному, вдруг охватили ее. Вспомнив слова портнихи, Елена, легонько приподняв подол платья двумя пальчиками вверх, начала подниматься по лестнице. Девушка осторожно шла по скользким, вышарканным от времени каменным ступеням, словно она это уже проделывала не раз много-много лет назад. Ее рука, придерживавшая доселе взволнованную на ветру вуаль, медленно сползла вниз, оставляя невесомую, оголившую плечи ткань послушно лежать на груди. Развивавшийся позади Елены шлейф шифона, легким касанием нежно ласкал оставленные позади ступени. Моника шла впереди. Пыхтевший в жарком костюме Фабио, с фотосумкой на плече, следовал за ней. Казалось, все было по плану, как должно было быть. Однако то ощущение знакомого, но давно забытого ею, ни на миг не покидало Елену, а, наоборот, с каждым шагом все больше и больше захватывало ей дух. Посреди лестницы она невольно остановилась и оглянулась назад на стоявшего внизу привратника. К своему изумлению девушка заметила, что тот, замерев на месте, удивленно смотрит ей вслед, словно человек увидевший призрак старой знакомой, боясь пошевелиться и нарушить это видение. Девушка робко улыбнулась в ответ и, отвернувшись, проследовала дальше.

«Это просто старый дом», – стараясь внушить себе немного уверенности, прошептала Елена, не находя объяснения на вспыхнувшее в ее душе чувство, – «Я знаю, старые дома могут быть загадочными. А если они захотят, они смогут поделиться самыми странными и заветными тайнами. Их просто надо услышать», – вдруг, вспомнила она слова своей мамы. «Ох, мама», – невольно призналась она себе, – «я не знаю, что это, и куда занесла меня судьба на этот раз, но это чувство тоски по прошлому, оно мне нравится. И оно пугает меня».

Показавшись девушке бесконечным, подъем закончился такой же невзрачной старой дверью, как и сама лестница. Открыв ее и войдя внутрь, Елена ахнула. Много она видела комнат и помещений за свою не столь длинную судьбу фотографа, но такое она увидела впервые. Вход, в который она вошла, оказался запасным входом для прислуги, спрятанным за увесистой бархатной гардинной, словно занавесом между двумя эпохами: эпохой прошлого и настоящего. И вот теперь этот занавес вдруг открылся. Перед взором Елены предстал большой зал, освещенный огромными полукруглыми окнами-витражами, изображавшими эпизоды придворной жизни. Яркие вечерние лучи солнца, скользившие сквозь разноцветное стекло, мягким полумраком заполняли все вокруг. Пол, будто продолжение витражей, был искусно выложен разно-

цветной мозаикой, на рисунках которой меж роскошной виноградной лозы танцевали разодетые в яркие платья дамы и кавалеры, в жеманных движениях протягивавшие друг к другу руки. А со стен, от пола до потолка украшенных лепниной, словно с небес, взирали на них пухлые ангелочки, любопытно выглядывая из-за плеч мускулистых богов и пышнотелых богинь, стараясь что-то шепнуть проходящим мимо гостям. Обрамлявшие стены шторы, мягкими воланами свисавшие до самого пола, элегантно дополняли их застывшие в камне танцы.

Елене вдруг показалось, что по той невзрачной лестнице она, будто пройдя сквозь время, вдруг очутилась в каком-то далеком, давно забытом мире. Все так же, слегка придерживая рукой подол платья, она медленно проходила вдоль стен, любуясь извилисто-мудреными линиями их узоров, взглядом повторяя движения рук древнего мастера, некогда создававшего всю эту красоту. Она не замечала лихорадочных жестов, посылаемых Моникой в ее сторону, старавшейся изо всех сил привлечь ее внимание. Она не слышала шум, доносившийся с противоположного конца зала, где подвыпившие гости кидались нелепыми шутками, крутясь у шикарно накрытого стола с изысканными закусками и винами. Словно под действием наркотика ее взгляд продолжал плавно скользить вдоль стен, вызывая в подсознании нечто знакомое, теплое и давно забытое. Тут ее взгляд вдруг остановился. В какой-то момент девушка осознала, что она стоит и в упор смотрит на совершенно незнакомого ей человека, словно на продолжение изображений мифических персонажей на стенах. Это было приятное овально-классическое лицо мужчины лет тридцати, обрамленное чуть выющимися локонами черных волос, ухоженно ниспадавшими на плечи. Слегка грустные черные глаза, улыбаясь, смотрели сверху вниз на проходившую мимо девушку. В них была та же знакомая искорка, что затаилась где-то глубоко в памяти Елены, которая сейчас сильным импульсом непонятных ей чувств давала о себе знать. Незнакомец смотрел на нее, не отрывая взгляда, словно родитель смотрит на свое рассыпающееся дитя, боясь выдернуть его из радужных грез сна, терпеливо дожидаясь, когда оно проснется. Строгий черный костюм герцога, подчеркивавший его стройный стан, прекрасно вписывался в окружающую его обстановку. На мгновение, очнувшись от нахлынувших на нее чувств, Елена удивленно взглянула в глаза незнакомцу.

– Это великолепно! – неожиданно вырвалось у нее из груди. – Я поражена, – не слыша своего голоса, произнесла Елена.

– Спасибо, – одними губами ответил незнакомец. – Однако, – набрать в грудь больше воздуха, он попытался что-то еще ей сказать, но она прервала его.

– Я знаю, – спокойно произнесла Елена. Будучи предупрежденная Орнеллой, о том, что хозяева дома не хотят никакой огласки со стороны прессы, Елена дала ей слово, что ни при каких обстоятельствах не будет фотографировать внутри помещения, а только в прилегающем к зданию летнем саду. – Я не должна фотографировать здесь. Уверю вас, я не буду этого делать.

– Brava, – прервав крутившуюся в голове, готовую вырваться наружу мысль, выдохнул он, продолжая смотреть на девушку.

Елене вдруг показалось, что он хотел сказать ей нечто большее, вместо сухого одобрения в произнесенном им «молодец». В каком-либо другом случае и при других обстоятельствах она бы никогда не посмела прервать собеседника. Но сейчас это было не важно, так как все слова, что имели бы место быть произнесенными, казались ей ничем по сравнению с той мощью и красотой, которую видела она вокруг себя в этом зале.

Но тут к ним подошел новоявленный жених.

– А, фотограф! Вы уже здесь! – резко произнес он на своем прекрасном английском, одним махом разорвав ту пелену оцепенения, что царил над собеседниками. Сознание Елены тут же вернуло ее к обыденности текущего вечера. Видя реакцию герцога на слова жениха, девушка поняла, что тот говорит по-английски не хуже гостя и в сердцах поблагодарила бога, что ей хоть для одного из новобрачных не пришлось исполнять роль переводчика. Она автома-

тически отступила на шаг назад. – Вот, разрешите представить вас: это герцог Альберто Баккальери! – с выражением произнес он, делая акцент на слове герцог. – А это наш фотограф, – возвращаясь к привычному для себя тону неприязни, добавил он, указывая на стоявшую перед герцогом Елену. – Дом у вас шикарный, герцог, – поворачиваясь спиной к Елене, продолжал жених. – А апперетив просто превосходный! Одни устрицы в белом вине чего стоят! – он закатил глаза в подтверждении великолепного вкуса вышеупомянутых устриц. – Елена, вы бы пошли тоже перекусили что-нибудь, – оглядываясь на фотографа, он кивнул головой в сторону стола.

В подтверждение его слов, подошедшая Моника, взяв за руку девушку, тихонько отвела ее в сторону.

– Ты что это замерла перед герцогом как вкопанная? – выпалила она. – Бери невесту и бегом в сад, пока совсем не стемнело.

Елена вдруг вспомнила, зачем она здесь, и направилась к накрытому в другом конце зала столу, где наливая себе очередной бокал вина, стояла невеста в окружении своей родни. Одетая в нежно бирюзовую тунику с витой повязкой на голове, словно у мифических персонажей из древнегреческих легенд, она, слегка облокотившись о край стола, о чем-то громко дискутировала со стоявшим рядом с ней папашей, облаченным в темно-бордовый бархатный костюм придворного вельможи времен шестнадцатого столетия.

Сделав несколько снимков в саду под роскошными, усыпанными цветами магнолиями, в увитой зеленью беседке и на расставленных там резных скамеечках, Елена вместе с невестой и ее родней вернулась в зал. Все оставшееся время, проведенное в замке, девушка очень нервничала. Ее ни на минуту не покидало чувство, что за ней наблюдают. Находясь в саду, она мельком взглянула на одно из верхних окон дома, в котором, как ей показалось, она увидела незнакомое лицо женщины. Но, как только Елена ее увидела, та сразу же поспешила задернуть занавеску и скрылась из вида. «Может они действительно до такой степени не хотят, чтоб я их фотографировала...», – не находя объяснений всему происходящему, поспешила сделать вывод девушка и постаралась не принимать это во внимание.

Вечер прошел быстро. Елена за день очень устала. А ей еще предстояло перенести все фотографии на ноутбук и хотя бы мельком просмотреть их, чтобы мысленно составить для себя краткий план на завтра, как и где можно еще сфотографировать своих клиентов, чтобы их поездка в Венецию оказалась полной незабываемых впечатлений. Девушка уже собралась уходить, как вдруг ее остановила Моника и попросила задержаться на пару минут.

– Побудь еще чуток, – умоляюще протянула она.

– Так я же на паром опоздаю, – удивленно пожала плечами Елена. И это было отчасти правдой, так как паромы ночью не ходили. К тому же ей очень хотелось вырваться из объятий старинного замка и поскорее снять с себя нахлынувшее на нее ощущение тревоги, что она испытала, находясь здесь, как ей показалось, будучи под неотступным наблюдением теней прошлого.

– Сегодня суббота, – отмахнулась Моника, – они на час дольше ходят. А мне еще Фабио надо от стола оторвать.

Бросив быстрый взгляд на своего помощника, что стоял у стола с закусками и за обе щеки уплетал жареных креветок, Елена невольно улыбнулась.

– Да, он молодец, – одобрительно кивнула она в сторону парнишки, – вон как помог мне сегодня с аппаратурой. И на венчании и здесь... А то бы я с этим платьем...

– Помог, помог, – прервала ее Моника, – Пойдем! – взяв ее за руку, она потянула Елену за собой. – А то клиенты хотят допрос герцогу устроить о его доме. Но сама представляешь, из меня переводчик никудышный. Так что тебе придется толмачом быть.

– Ладно, пошли, – устало выдохнула Елена и направилась следом за Моникой.

Во время беседы герцог вкратце рассказал о том, как его предки, жившие несколько веков назад на Сицилии, довольно богатые по тем временам люди, решили перебраться на север и обосноваться в Венеции. Чтобы показать местному населению свою добропорядочность, они построили несколько домов, пригласив на строительство великих мастеров по камню, художников и скульпторов, чем завоевали большое расположение к себе главенствующей знати. После чего они были приняты с почётом в высших венецианских кругах.

– С ума сойти, – стараясь быть незамеченной, шепнула Елена Монике в перерыве между переводами, – раньше знатню становились, даря искусство народу...

– Ага, прикинь, что за времена были! – томным вздохом отреагировала та. – Как было бы здорово родиться тогда! Я точно бы какой-нибудь виконтессой была. Я искусство люблю.

– А почему не портнихой, например? – хихикнула Елена. – Они тоже любят.

Моника на мгновение задумалась.

– Нет, не вижу я себя портнихой, – после некоторого раздумья выпалила она. – Вот виконтессой вижу, а портнихой нет. Переводи, давай! – подтолкнула она Елену в то время, как один из родственников невесты открыл, было, рот, чтоб задать очередной вопрос.

Но тут невеста его опередила.

– А в вашем замке кто-нибудь еще обедал? – жеманно спросила она.

– В каком смысле? – не поняв, о чем идет речь, переспросил герцог.

– Ну, кто-нибудь приходил к вам в гости на ужин, например? – стараясь казаться просвещенной, что ей с трудом удавалось после чрезмерно выпитого вина, невеста попыталась выразить свою мысль другими словами.

– Мои друзья, – опешив от вопроса, удивленно ответил Альберто.

Елена, стараясь переводить слово в слово, тоже несколько удивилась такому вопросу. Тем более что Альберто, отвечая гостям, не сводил с нее глаз, одновременно обращаясь к ней за переводом и выслушивая ответы, летевшие от гостей.

– Да я не об этом, – капризно отмахнулась невеста. – Я о знаменитостях. Вот, Мадонна, например? – попыталась вспомнить она имена звезд, мелькавших на экранах телевизоров.

Елена несколько растерялась. Она виновато взглянула на герцога и дословно перевела ему то, что спросила ее клиентка. Альберто в ответ весело улыбнулся. Несвойственные положению герцога искорки детского озорства заиграли в его глазах.

– Нет, Мадонна меня не навещала, – доброжелательно ответил он, глядя на Елену.

– Господи, Моника! – стараясь говорить как можно тише, прошептала Елена на ухо своей напарнице. – И я должна это все переводить?! Да какая Мадонна?! Он – герцог!

– Герцог, герцог, – наигранно улыбаясь окружающим, буркнула Моника.

– Да они как класс сами редкость! – продолжала в возмущении Елена. – Я думала, их уже и в помине-то нет, вымерли как динозавры. Да его вместе с друзьями в музее пора показывать. А она тут со своей Мадонной...

– Да успокойся ты, – шикнула на нее Моника. – Они тоже люди, как и мы с тобой. Вон, на тебя как этот музейный экспонат герцог уставился! Глаз оторвать не может. Расшумелась тут.

Увидев, что Альберто действительно продолжает смотреть на нее, Елена покраснела.

– Мне пора идти, – смущенно произнесла она.

– Как, вы уже уходите? – по лицу герцога пробежала легкая тень разочарования.

– Да. Свою работу фотографа я уже сделала, – твердо произнесла она. – Плюс ко всему мне еще сегодня с фотографиями поработать надо. Да и последний паром скоро отчалит, – вспомнив первоначальную причину ухода, добавила Елена.

– Ну что ж, не вправе вас задерживать, – вздохнул Альберто. – Возможно, мы еще увидимся.

Не зная, что сказать в ответ, девушка мило улыбнулась и, окликнув продолжавшего крутиться у стола Фабио, попрощалась с присутствующими и направилась в сторону маленькой невзрачной двери, спрятанной за воланами темного бархата портьер, откуда впервые вошла в этот зал несколько часов назад.

Незнакомка

– Ты не поверишь! – сидя на носу, покачивавшегося на волнах, катера, Альберто воодушевленно описывал двум своим друзьям подробности прошедшего вечера. – На мгновение мне показалось, что я сплю. Словно видение, пришла ниоткуда и ушла в никуда. Она, как две капли воды, похожа на нее.

– Да ты бредишь, – скептически отозвался Серж. – Этого не может быть. Ее рисовали столет назад! Ты грезил тем портретом еще задолго до ее появления.

– Не удивительно, что твое воображение сыграло с тобой злую шутку, – поправляя канаты и готовясь к отплытию, отреагировал Андреа. – Может общие очертания и схожи с портретом...

– Строение черепа, например, – отпарировал Серж.

– Надбровные дуги, – тоном заправского профессора анатомии, добавил Андреа.

– Куда уж без них! – глядя на скептическую физиономию друга, захохотал Серж.

– Идите к черту! – отмахнувшись, прервал их Альберто. – Говорю же вам: похожа! Как две капли. А как на счет цвета волос? Тоже угадала? – добавил он.

– Прекрасила, – отрезал один.

– А плечи, фигура?! Словно из мрамора... – углубляясь в свои воспоминания о прелестной незнакомке, вздохнул Альберто.

– Пластическая операция, – подвел итог другой. – С ее помощью сейчас такие чудеса творят, родную мать не узнаешь.

– Ага, и точь-в-точь как на портрете? – скептически фыркнул Альберто, залезая на борт.

– А что? Вполне реально, – пропуская его к штурвалу, Серж спустился в каюту. Достав из спрятанного в шкафу холодильника бутылку белого вина, он взял штопор с круглого столика посреди каюты и привычным движением откупорил пробку. – За искру любви! – напыщенно продекламировал он, вручив другу наполненный бокал. – Кстати, я с Эльзой встречаюсь, – при слове «любви» он вдруг вспомнил о недавно завязавшихся у него отношениях с их общей знакомой.

– Ну, и как она тебе, – отозвался Андреа.

– Да, в принципе, ничего так, – сморщив лоб, он поднял свой бокал вверх и, прищурившись, внимательно посмотрел на покрытое пузырьками стекло, – как бутылку игристого вина, – отпив глоток, усмехнулся он. – Его надо уметь открыть.

– А как держится?! А походка?!.. – не слушая друга, продолжал вдаваться в воспоминания Альберто. – Ни за что не поверю, что этому можно научиться с нуля. Это должно быть врожденное.

– Он бредит, – сделав глоток, Андреа покачал головой.

– А смущается, словно ребенок... Она не похожа на остальных, – взявшись за руль, Альберто завел мотор. Катер медленно тронулся с места и отчалил от пристани. – Она естественна! – найдя, наконец, подходящее слово для описания предмета своего обожания, восторженно воскликнул он.

– Мечтатель. Иди, приляг, помечтай, – оттеснив Альберто от штурвала, Андреа махнул ему вглубь каюты. – А то увезешь нас сейчас неизвестно куда.

Альберто вздохнул и, отойдя в сторону, медленно опустил на прохладную кожу дивана. В тот момент он не хотел думать ни о чем другом. Единственное, что он хотел – это предаться воспоминаниям о недавней встрече с незнакомкой, представляя перед собой ее лицо, прокручивая в голове все моменты недавнего вечера, каждое слово его разговора с ней.

Катер, набрав обороты, белоснежной птицей неся вперед по каналам Венеции в сторону открытого моря. Встречный ветер прохладой обдувал лицо. Тонкий аромат вина невидимыми

струями растекался по всему телу, расслабляя сознание и унося в никуда накопившуюся усталость.

– Она сравнила нас с динозаврами, вымершими тысячелетия назад, – после продолжительной паузы, вдруг, улыбнувшись, произнес он.

– Это что-то новое, – удивленно отозвался Серж. – Вот, Эндрю, – смеясь, обратился он к другу, – ты из каких «завров» будешь? Наверное, из птерозавров, – прищулив глаз и внимательно посмотрев на него, подвел итог Серж. – Ты вечно волосы назад зачесываешь, словно чуб. И шея у тебя длинная, ну прямо как у птерозавра.

– Ты тогда карнозавр, у тебя взгляд похож и брови приподняты, ну прям как у той животины из энциклопедии про млекопитающих, – отпарировал Андреа, искоса поглядывая на Сержа.

– А что, – протянул тот, внимательно рассматривая себя в небольшое узкое зеркало вдоль стены каюты. Приподняв одну бровь, он оскалил зубы и сгорбился, разведя руки в стороны, представляя, как бы это сделала на его месте древняя рептилия. Его худошавая фигура действительно в некотором роде стала напоминать очертания небольшого ящера. – Я не против, – спустя минуту подытожил он. – Эти «завры» мне чем-то даже симпатичны. Они сильные.

– По крайней мере, сгодились бы, чтоб отпугивать подосланных моей сестрицей невест, – усмехнулся Альберто, вырванный рассуждениями о рептилиях из грез своих мечтаний.

– Да. Любовь... Надежда встретить ту единственную, – протянул Серж, удобно развалившись на втором диване, напротив Альберто. – Все это прекрасно. Но как ты ее найдешь? У тебя ни адреса, ни номера телефона.

– А может лучше оставить все это в мечтах и посмотреть на реальность? – не отрывая взгляд от расстилавшейся перед ним морской глади, кинул друзьям из-за плеча Андреа. – Кто ты? И кто она? Тебе сестра в жизни не простит.

– И будет он грезить встречей с «той единственной» всю свою оставшуюся жизнь, рядом с какой-нибудь, подсунутой ему сестрой, кикиморой. Та-там!.. – меланхолически пропел Серж. – «Надежда на любовь» – что может быть печальнее?! – тяжело вздохнув, подвел он итог.

– Я знаю агентство, которое пригласило ее, – пришедшая ниоткуда идея вдруг озарила лицо Альберто. Встрепенувшись от потока своих мыслей, он привстал с дивана и, удивившись посетившей его догадке, весело добавил. – Я сам подписывал с ними контракт.

– А вот это уже что-то! – подняв вверх указательный палец, задумчиво произнес Андреа.

Джессика

Подъехав к ограде, отделявшей территорию конюшни от убегающего вдаль макового поля, машина нехотя остановилась. Вдоль забора ровными рядами тянулись небольшие кирпичные сооружения. Из крайнего загона на звук мотора вышел седой старик, державший в руках алюминиевое ведро. Поставив его на землю, он медленно пошел навстречу подъехавшему автомобилю.

– Адвокат Мессина? Здравствуйте! – добродушно поздоровался он, узнав в сидевшем за рулем человеке адвоката своей хозяйки. – Вы кого-то искали? – спросил старик, вытирая руки о повязанный на поясе старый передник.

– Я к синьоре Джессике, – взглянув на конюха сквозь открытое окно «фиата» угрюмо буркнул адвокат. Было заметно, что стоявшая на дворе жара почти доконала беднягу. На круглом как по циркулю лице, уже начавшем покрываться возрастными морщинами, застыла гримаса безысходности и смирения. Сидевший мешком на его теле потертый от времени темно-серый костюм, который он вынужден носить по долгу службы и который с превеликим удовольствием сбросил бы с себя прочь, был весь покрыт придорожной пылью. Начавшие уже сесть волосы слиплись от жары и прядями свисали на лоб, придавая ему еще более плачевный вид. У адвоката не было никакого желания выходить из машины. И в предчувствии того, что выйти наружу все же придется, его дыхание становилось тяжелее. Промокнув носовым платком выступавшие на лбу капельки пота, он нехотя повернулся к обратившемуся к нему мужчине. От того пахло навозом и свежескошенной травой, что еще больше раздражало изнуренного от духоты адвоката.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.